

с фотом. гравированномъ
и фотом. гравированномъ
С. Павленкова

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

1891
187

И. ЛОЙОЛА

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. А. Быкова

Съ портретомъ Лойолы, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

2-е издание

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕН. ТОВАРИШЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

Больш. Подъяч. № 39

1894

Лойола.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Мая 1894 г.

2010513270

Францискъ Лопецъ-де-Рекальде
Миссионеръ.
Въведеніе въ Россію.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

	СТР
Глава I. Эпоха Возрожденія	5
„ II. Дворянинъ Лопецъ-де-Рекальде	12
„ III. Рыцарь Св. Дѣвы Маріи	18
„ IV. Проповѣдникъ Лойола	29
„ V. Павелъ III и его кардиналы	36
„ VI. Учрежденіе товарищества Іисуса	45
„ VII. Уставъ ордена іезуитовъ	50
„ VIII. Генераль Івннго Лойола	58
„ IX. Іезуиты въ Россіи	68

ОТЪ АВТОРА.

Пособіями при составленіи этого біографическаго очерка служили слѣдующія сочиненія:

1) „La vie du bon père Ignace de Loyola, fondateur de la compagnie de Jesus, dernièrement traduite par un père de ladite compagnie du latin du p. Pierre Ribadenera“. Arras. 1607.

2) „Allgemeine Geschichte der Jesuiten von dem Ursprunge ihres Ordens bis auf gegenwärtige Zeiten“, von Peter-Philipp Wolf. Erster Band. Leipzig. 1803.

3) „Histoire religieuse, politique et littéraire de la compagnie de Jesus, composée sur les documents inédits et authentiques“, par J. Créteineau-Joly. Tome premier. Paris. 1844.

4) „Histoire de jésuites, composée sur documents authentiques, en partie inédits“, par l'abbé Guettée. Tome premier. Paris. 1858.

5) „Der Jesuiten-Orden nach seiner Verfassung und Doctrin, Wirksamkeit und Geschichte, characterisirt von Dr. Johannes Huber“. Berlin. 1873.

6) „Die römische Päpste in den letzten vier Jahrhunderten“, von Leopold Ranke. Erster Band. Leipzig. 1874.

7) „Иезуиты въ Россіи, съ царствованія Екатерины II и до нашего времени“, свящ. Михаила Морозкина. Два тома. С.-Петербургъ. 1867.

Предлагая читателямъ біографическія свѣдѣнія объ основателѣ ордена іезуитовъ, авторъ не скрываетъ отъ себя неполноту очерка. Извиненіемъ можетъ служить недостатокъ доброкачественнаго историческаго матеріала, такъ какъ труды Орландини, Саккини, Жуванси, Кордара, Бартоли, Рибаденейры, Маффеи и Бугура болѣе чѣмъ сомнительны съ точки зрѣнія исторической критики.

Александръ Быновъ.

С. П. Павлов
С. П. Павлов
С. П. Павлов

I. Эпоха Возрожденія.

Константинополь, столица Византійской имперіи, былъ взятъ приступомъ турецкимъ султаномъ Мухаммедомъ II 24 мая 1454 г. Этимъ событіемъ заканчивается средневѣковый періодъ исторіи. Такимъ образомъ подчиненіе обезсилѣвшей имперіи власти турокъ-османлисовъ знаменуетъ собою начало новой исторіи, первое столѣтіе которой носитъ названіе эпохи Возрожденія, такъ какъ человѣческой умъ, скованный до этого времени произволомъ римскихъ первосвященниковъ и путами схоластическаго обскурантизма, впервые почувствовалъ сознательную потребность скинуть съ себя непрощенное иго. Толчокъ этотъ былъ данъ греческими эмигрантами, покинувшими свою родину, послѣ потери послѣднею независимости, и нашедшими въ большинствѣ случаевъ пріютъ въ Западной Европѣ. Римскіе папы, усерднѣйшимъ образомъ способствовавшіе нравственному разложенію и паденію Византійской имперіи, были крайне польщены тѣмъ, что «схизматики» обратились къ нимъ за пристанищемъ и кускомъ хлѣба; широкое гостепріимство было предписано вездѣ, гдѣ признавалась власть папы, и высокообразованные греки, въ числѣ которыхъ было не мало вельможъ и принцевъ крови, поселились въ Германіи и Франціи, но главнымъ образомъ въ Италіи.

Въ это время, когда дитя любви императора Сигизмунда, знаменитый герой Седмиградіи и Мадьяріи, Янъ Гуніадъ, а потомъ его сынъ, не менѣе знаменитый Матіашъ Корвинъ, доблестно сдерживали напоръ турецкихъ полчищъ вдоль Дуная, родосскіе рыцари храбро отражали на морѣ нападенія самого Мухаммеда II и преграждали ему путь въ Западную Европу. Сама же Западная Европа, спасаемая отъ грознаго завоевателя названными героями, утопала въ крови, благодаря междоусобнымъ войнамъ честолюбцевъ. Англія почти погибала изъ-за распри, поэтически названной

войною алой и бѣлой розъ; представительница алой или ланкастерской розы Маргарита Анжу, дочь лотарингскаго герцога Ренэ I и супруга англо-французскаго короля Генриха VI, лично водила полки въ бой, чтобы вырвать мужа изъ темницы и обезпечить сыну корону Британіи; однако безпощадная борьба кончилась побѣдою бѣлой или іоркской розы, занявшей престолъ въ лицѣ Эдуарда IV. Во Франціи Лудовикъ XI рубилъ головы непокорныхъ и гордыхъ вассаловъ-пэровъ, стремясь обезсилить феодальную систему и прибрать къ рукамъ полунезависимыя владѣнія многочисленныхъ французскихъ герцоговъ, изъ которыхъ только одинъ являлся достойнымъ противникомъ его; это былъ бургундскій герцогъ, Карлъ Смѣлый, проведшій всю свою жизнь въ безтолковой войнѣ отъ устья Рейна до республиканской Женевы. Въ Германіи шли нескончаемыя междоусобія между многочисленными князьками, надъ которыми власть императора была безсильна, тѣмъ болѣе что движеніе гуситовъ, которымъ паденіе Константинополя и интриги Рима помѣшали слиться съ византійскимъ православіемъ, принимало грозныя размѣры.

На Пиренейскомъ полуостровѣ шла та-же борьба честолюбцевъ. Донъ-Карлосъ воевалъ съ отцомъ, аррагоно-наваррскимъ королемъ Хуаномъ II, изъ-за наслѣдія матери и погибъ отъ яда; кастильскіе короли, одинъ другого ничтожнѣе, вели непосильную борьбу съ грандами, добивавшимися полной независимости одновременно съ португальскими вельможами. Бѣдная Италія, разоряемая безжалостно своими и чужими, распадалась на безконечное число княжествъ и республикъ, оспаривавшихъ другъ у друга ничтожныя клочки земли съ благословенія своего верховнаго владыки, жившаго въ Римѣ и не похристіански принимавшаго участіе во всѣхъ тревоженіяхъ полуострова при помощи наемныхъ дружинъ, громовъ отлученія, яда и тайныхъ убійствъ изъ-за угла. Мадьярія, Чехія, Польша, Литва и Пруссія боролись за преобладаніе между собою, и эта борьба, въ которой принимали участіе германскіе императоры, турецкіе султаны и крымскіе ханы, вела къ поглощенію Мадьяріи, Чехіи и Пруссіи нѣмцами, къ политическому разложенію Польши и Литвы и къ потерѣ независимости всѣми ими. Только Московія, какъ ее называли тогда, пользовалась сравнительно покоемъ и тишиною, объединяясь подъ властью

Ивана III и готовясь вступить въ среду европейскихъ государствъ съ надлежащимъ блескомъ; о Московіи особенно заговорили послѣ брака Ивана III съ племянницею послѣдняго византійскаго императора, Софією, надѣясь увлечь русскихъ въ борьбу съ турками и въ то же время подчинить духовной власти римскаго первосвященника.

Въ только-что очерченную эпоху умственное движеніе Западной Европы и экономическое положеніе простаго народа были крайне незавидны. Народъ, угнетаемый тройнымъ игомъ—духовенства, феодаловъ и цеховъ, былъ лишенъ всѣхъ правъ гражданственности и зачастую даже куска хлѣба, болѣе или менѣе обезпеченнаго; нерѣдко цѣлыя деревни десятки лѣтъ скрывались въ лѣсныхъ и болотныхъ тущобахъ, давая поводъ создавать цѣлыя легенды о ликантропахъ, то есть человѣко-волкахъ, и урсогомахъ, то есть человѣко-медвѣдяхъ. Забитый, загнанный, обнищавшій народъ былъ вполнѣ во власти умственнаго невѣжества и темнаго суевѣрія; это было настоящее безправное темное царство, безъ малѣйшаго свѣтлаго луча надежды на что-нибудь лучшее въ будущемъ. Наука была во власти духовенства, не допускавшаго даже самонамалѣйшаго отступленія отъ установленныхъ правилъ при изученіи той или другой науки; а всѣ эти науки сводились къ тому, что спасеніе человѣческой души мыслимо только въ лонѣ католической церкви и при полномъ повиновеніи святѣйшему намѣстнику Іисуса Христа на землѣ, имѣющему власть вязать и разрѣшать все и всѣхъ. Въ силу такой постановки всегдѣла преподаванія, нерѣдко происходили дебаты среди ученыхъ, при самой торжественной обстановкѣ, на тему объ ослѣ, помѣщенномъ между двумя одинаковыми мѣрами одинаковаго овса; требовалось научно рѣшить, откуда сначала возьметъ осель свой кормъ, съ правой или съ лѣвой стороны? На подобные бессмысленные дебаты тратились умственные силы учащейся молодежи, и только въ парижскомъ университетѣ замѣчалось немного больше жизни, благодаря слѣдамъ, оставленнымъ альбигойцами, лоллардистами и другими ученіями.

Образованные греки, поселившіеся въ Западной Европѣ, какъ выросшіе и воспитавшіеся внѣ католическаго обскурантизма, всколыхнули и разсѣяли немного умственное убожество, господство-

вавшее въ университетахъ Италіи, Франціи и Германіи. Они дали толчокъ и новое направленіе научнымъ работамъ своихъ учениковъ и послѣдователей; къ числу ихъ принадлежатъ Георгій Трапезундскій, Теодоръ Газскій, Іоаннъ Ласкарисъ, Димитрій Халкондила и Константинъ Ласкарисъ. Всѣ они преподавали греческій языкъ, научно обработали греческую грамматику и перевели впервые лучшихъ классиковъ своей родины. Стоячее умственное болото зашевелилось; изъ нѣдръ его стали появляться талантливые изобрѣтатели, даровитые ученые, выдающіеся художники, смѣлые реформаторы-мыслители; и всѣ эти люди, къ великому изумленію современниковъ, не отличались знатностью происхожденія, а выходили преимущественно, если не исключительно, изъ простого, презираемаго народа или изъ захудавшаго, обѣднѣвшаго дворянства. Съ этого многознаменательнаго момента, совпавшаго съ паденіемъ Византійской имперіи, и началась знаменитая эпоха Возрожденія, создавшая полную умственную революцію въ Западной Европѣ и вызвавшая отчаянную борьбу сильнаго еще обскурантизма съ народившимся гуманизмомъ,—борьбу, не законченную вполне и въ настоящее время.

Во главѣ этой эпохи необходимо поставить обѣднѣвшаго дворянина изъ Майнца, Іоганна Гутенберга (род. въ 1400 г., ск. въ 1468 г.); онъ изобрѣлъ книгопечатаніе въ 1438 г., но по безденежью долженъ былъ вступить въ товарищество съ богатымъ ювелиромъ изъ Майнца Фаустомъ и даровитымъ писцомъ Шеферомъ. Втроемъ они развили и усовершенствовали способъ печатанія книгъ, быстро перейдя отъ китайскихъ рѣзанныхъ досокъ къ набору. Послѣ книгопечатанія, давашаго возможность вырвать изъ рукъ католическаго духовенства исключительное право пользованія наукою, наибольшее значеніе получило мореплаваніе, благодаря безумно-смѣлымъ людямъ, обезсмертившимъ себя открытіемъ новыхъ земель, на которыя жадно набросились поселенцы изъ задыхающагося подъ нравственнымъ и физическимъ гнетомъ простонародья. Варфоломей Діацъ, родомъ португалець, открылъ мысъ Доброй Надежды въ 1486 г.; итальянецъ Христофоръ Колумбъ открылъ Багамскіе острова 8 октября 1492 г., Джіованни Каботто открылъ островъ Нью-Фаундлендъ въ 1497 г.; португалець Васко-де-Гама объѣхалъ Африку и показалъ дорогу въ

Ость-Индію въ 1498 г., Себастьянъ Каботъ объѣхалъ восточный берегъ Америки въ 1517 г. и сѣверный берегъ Европы въ 1552 г.; португалець Магелланъ обогнулъ Америку на югѣ, пробравшись черезъ проливъ своего имени, и погибъ въ мартѣ 1521 г. на Филиппинскихъ островахъ; Педро-Альварецъ Кабраль открылъ рѣку Амазонку и приобрѣлъ для Португаліи Бразилію; Америго Веспуччи объѣздилъ и описалъ Америку, получившую отъ него свое названіе; Фердинандъ Кортесъ открылъ Мексику и Калифорнію; испанецъ Балбоа перешелъ Панамскій перешеекъ въ 1513 г. и открылъ Великій океанъ; Пизарръ изъ свинопасовъ сдѣлался вице-королемъ открытаго имъ Перу, который онъ покорилъ для императора Карла V; Орельяна изслѣдовалъ на огромномъ протяженіи Амазонку; наконецъ Альмагро помогъ Пизарру покорить Перу, изслѣдовалъ и покорилъ Чили, но возсталъ противъ Пизарра и былъ казненъ.

Громадный политическій и экономическій переворотъ, вызванный открытіемъ южной Африки, обѣихъ Америкъ и новыхъ путей въ Ость-Индію, отразился и въ области дѣховнаго творчества. Изящная литература, поэзія, живопись, ваяніе, архитектура, естественныя науки и исторія заняли выдающееся положеніе въ западно-европейскомъ обществѣ. Итальянцы Амброджини, Барбаро и Мерла приступили къ серьезному изученію древнихъ языковъ, издавая классиковъ и свои образцовые переводы съ греческаго. Англичанинъ Фортеस्कю и французъ Кюжасъ подняли значеніе юриспруденціи и прославились своимъ ораторскимъ талантомъ. Леонардо да-Винчи создалъ школу живописи во Флоренціи, Барбарелли—въ Венеціи, а Альбрехтъ Дюреръ—въ Нюренбергѣ.

Блестящіе успѣхи человѣческаго генія не беспокоили папскаго престола, потому что не покушались на его права; папы покровительствовали поэтамъ и художникамъ, усиливая этимъ блескъ своего двора. Но пытливый умъ человѣка, пробудившись отъ долгаго сна, не могъ ограничиваться рамками, указанными властью духовенства, и принялся анализировать; вспомнили Джона Виклефа (род. въ 1324 г., ск. въ 1387 г.) и мученически погибшаго Яна Гуса (род. въ 1373 г., ск. въ 1415 г.), и сомнѣніе въ правахъ папы на всемірное господство стало все сильнѣе и сильнѣе проникать въ общество. Выразителемъ протеста явился августин-

скій монахъ, сынъ рудокопа, Мартинъ Лютеръ (род. въ 1483 г., ск. въ 1546 г.), который въ 1517 г. обнарудовалъ въ Виттембергѣ 95 тезисовъ противъ папской власти; затѣмъ онъ сжегъ папскую буллу, отлучавшую его отъ церкви, написалъ новый катихизисъ, а затѣмъ сумѣлъ привлечь къ своему ученію Швецію, Данію, Франконію, Гессенъ, Палатинатъ и Бранденбургъ. Началась война протестантовъ съ императоромъ Карломъ V, продолжавшаяся съ перерывами до 1536 г., когда императоръ вынужденъ былъ заключить съ ними миръ въ Нюренбергѣ и дать имъ права гражданства наравнѣ съ католиками. Возстаніе Лютера было сигналомъ къ появленію другихъ противниковъ папской власти, изъ числа которыхъ извѣстнѣйшими были Ульрихъ Цвингли, Жанъ Кальвинъ и Филиппъ Меланхтонъ.

Такимъ образомъ противъ католицизма или, вѣрнѣе, противъ папскаго произвола поднялось множество враговъ; вооружившись силою краснорѣчія или во главѣ военной силы, всѣ они ринулись дружно на римскую церковь, которая на первыхъ порахъ гордо улыбалась и считала себя неуязвимой послѣ свиданія въ Каноссѣ и сожженія Гуса на кострѣ. Въ отвѣтъ на нападки, папы собирали вокругъ себя художниковъ и украшали Римъ: Браманте положилъ основаніе базилики св. Петра, Микель-Анджело Буонаротти окончилъ ее, прикрывъ пантеономъ Агриппы, Рафаэль и Романо покрыли Ватиканъ своими фресками, а глубокообразованный Пьетро Бембо писалъ подъ диктовку Льва X его распоряженія. Умеръ «божественный» Рафаэль, — его замѣнили Корреджіо, Пармезани, Тиціанъ, Веронезъ и Карраччи. Кромѣ Италіи, преданные папскому престолу талантливые люди блистали во Франціи, Германіи и Англій; изъ нихъ Приматиччіо, Палладіо и Гужонъ создаютъ множество дворцовъ; Маро, дю-Беллэ и наваррская королева Маргарита Валуа кладутъ прочное основаніе французской литературѣ; Аріосто, Тассо и Камозенъ прославили себя поэмами: «Неистовый Орландъ» («Orlando furioso»), «Освобожденный Иерусалимъ» («Jerusalem deliberrata») и «Лузіада» («Lusiadas»); наконецъ Гвиччардини, Маккиавели и Бухананъ рассказываютъ народамъ исторію ихъ правителей и возбуждаютъ любознательность.

Но и въ лагерѣ, враждебномъ папскому режиму, не замедлили появиться даровитые представители, тѣмъ болѣе опасные, что

это были по большей части серьезные мыслители, оставившіе глубокіе слѣды въ народѣ. Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести Эразма Роттердамскаго, Рейхлина, Монтеня, Раблэ, Кардана и Шаррона. Богословскими разсужденіями, философскими трактатами, смѣлыми сатирами и архи-откровенными исповѣдьями эти люди много подорвали значеніе папской власти въ народѣ, почитавшемъ «святого отца» по традиціи. Кромѣ того въ эту же эпоху появились небесные революціонеры, астрономы. Коперникъ (род. въ 1473 г., ск. въ 1543 г.), несмотря на запрещеніе папъ, позволилъ землѣ вращаться вокругъ солнца; Тихо-Браге изучилъ луну и кометы, хотя не соглашался съ Коперникомъ въ устройствѣ солнечной системы; Галилей и Кеплеръ установили торжество теоріи Коперника, хотя первый и пострадалъ за это, и окончательно отдѣлили науку астрономію отъ астрологіи.

Римскіе папы и ихъ приверженцы, сознавая свою силу, презрительно улыбались на дерзкія попытки новаторовъ поколебать ихъ могущество. Не давая себѣ отчета въ важности совершавшагося переворота и вѣря въ силу ватиканскихъ громовъ отлученія, они спокойно приняли вызовъ и повели борьбу обычными способами: усовѣщеваніемъ, угрозами, казнями, военной экзекуціей; но когда Англія, Голландія, сѣверная Германія, Данія, Швеція и Норвегія открыто отпали отъ римскаго первосвященника, когда сами католики, благодаря хлынувшей волнѣ свободомыслія, заговорили другимъ тономъ съ намѣстникомъ Іисуса Христа, папа Климентъ VII глубоко и серьезно задумался. Онъ понялъ наконецъ, что въ исторіи человечества наступилъ моментъ освобожденія мысли отъ оковъ клерикализма и обскурантизма; чтобы бороться за свое существованіе, папа долженъ былъ при новыхъ обстоятельствахъ изобрѣсти и новое оружіе; но, несмотря на всю гибкость ума представителя дома Медичи, оружія не находилось, и Климентъ VII съ грустью сошелъ въ могилу. Послѣ него на папскій престолъ взошелъ 13 октября 1534 г. Павелъ III. Этому неособенно далекому по уму первосвященнику, но окруженному даровитыми и преданными кардиналами, удалось найти оружіе противъ ересей и свободомыслія прозрѣвшей паствы. Оружіемъ этимъ явился орденъ іезуитовъ, объ основателѣ котораго мы и намѣрены теперь повести рѣчь.

II. Дворянинъ Лопецъ-де-Рекальде.

Прежде чѣмъ приступить къ передачѣ событій изъ жизни основателя ордена іезуитовъ, необходимо сдѣлать серьезную оговорку.

Всякое лицо, обратившее на себя вниманіе общества и попавшее въ исторію, имѣетъ свою біографію. Эту біографію пишутъ или поклонники и приверженцы исторической личности, или его недоброжелатели и враги; первые украшаютъ въ жизнеописаніи своего героя всѣми хорошими качествами, приплетаютъ, по мѣрѣ силъ и умѣнья, тѣмъ небылицъ, розказней и даже чудесъ, пропускаютъ все для него непріятное, дурное, смѣшное и въ концѣ концовъ создаютъ какое-то идеальное существо, не имѣющее ничего общаго съ дѣйствительно существовавшей личностью. Вторые поступаютъ какъ-разъ наоборотъ. Благодаря этому, безпристрастный историкъ очень нерѣдко оказывается въ затруднительномъ положеніи, не зная, какъ изъ имѣющихся подъ руками историческихъ матеріаловъ возстановить образъ историческаго дѣятеля. На помощь ему является историческая критика, дающая возможность разобраться среди противорѣчивыхъ показаній господъ біографовъ. Но иногда и историческая критика, и чутье историка оказываются бессильными при недостаткѣ матеріаловъ или ихъ односторонности; благодаря этому, не мало историческихъ личностей до настоящаго времени изображается въ исторіи въ ложномъ видѣ, напр. Иванъ IV Грозный, Ричардъ III, Людовикъ XI и многіе другіе. Подобнаго же рода затрудненія являются и при жизнеописаніи Лойолы. Почти исключительно его біографами являются іезуиты, и надо видѣть, до какой наивности доходятъ многіе изъ нихъ, рассказывая жизнь основателя ихъ ордена; встрѣчаются указанія у нихъ, что съ момента появленія Лойолы на свѣтъ стали совершаться чудеса, выходящія изъ ряда обыкновеннаго, а затѣмъ каждый шагъ малютки выказывалъ его геніальныя способности, свойственныя лишь божественному избраннику, и явное желаніе быть служителемъ единого Бога.

Съ другой стороны, то-есть со стороны враговъ іезуитскаго ордена, серьезный историческій матеріалъ такъ ничтоженъ, многіе изъ писавшихъ о Лойолѣ такъ мало знаютъ о немъ лично, такъ часто смѣшиваютъ его дѣйствія и планы съ дѣйствіями и планами Клавдія Аквавивы, пятаго генерала ордена іезуитовъ, что желающему писать о Лойолѣ почти не на чемъ остановиться. Благодаря этому, болѣе или менѣе правдивая біографія основателя ордена іезуитовъ очевидно должна быть съ пробѣлами и пропусками, по причинѣ которыхъ самое жизнеописаніе является неполнымъ, а потому личность Лойолы не вполне выясненной, какъ это было бы желательно каждому, интересующемуся этимъ дѣятелемъ XV столѣтія.

Выяснивъ затрудненія, на которыя неизбежно наталкивается всякій, взявшійся написать біографію Лойолы по возможности безпристрастно, станемъ продолжать нашъ рассказъ.

На сѣверѣ Испаніи есть небольшая область, называемая Гви-пускоа; горная мѣстность на западной границѣ испанской Наварры, покрытая лѣсами, способствовала жителямъ упорно и долго защищать свои права и юридическіе обычаи, сохранившіеся со временъ визиготовъ подъ именемъ фуэросовъ; сами жители, басконы или баски, единоплеменные съ французскими гасконцами, считаютъ себя потомками кантабровъ и отличаются личной храбростью и тщеславіемъ. Большой частью бѣдное дворянство гордилось древностью своего происхожденія и жило въ небольшихъ замкахъ, служившихъ защитой въ старое время отъ мавровъ и арабовъ, а позднѣе во время междоусобій мелкихъ владѣтельныхъ князей, изъ которыхъ одинъ, Иньиго Лопецъ, былъ даже независимымъ бискайскимъ графомъ. Во второй половинѣ XV столѣтія одинъ изъ потомковъ этого графа, Бельтрамъ Лопецъ, владѣлъ двумя замками, Онеецъ и Лойола, съ небольшимъ клочкомъ земли. Небольшія матеріальныя средства, большая семья и захудалость рода, давно потерявшаго графскій титулъ, ставили сенора Лопца въ неособенно выгодное положеніе и ему оставалось только важничать своимъ происхожденіемъ отъ владѣтельнаго графа да отдаленнымъ родствомъ съ кастильскимъ грандомъ Антоніо Мавриккомъ, герцогомъ Нахара и графомъ Тревиньо, который велъ свое родословное дерево отъ перваго астурійскаго короля Пелахо.

Проживаль Лопецъ преимущественно въ Лойолѣ, расположенномъ между двумя городишками, Ацпетіа и Асконтіа, со всей своей семьей, состоявшей изъ жены и 12-ти дѣтей. Въ это время Испанія впервые объединилась, за исключеніемъ султанства Гренада, подъ скипетромъ аррагононаваррскаго короля Фердинанда III Католика, женатаго на кастильской королевѣ Изабеллѣ, преемницѣ бездѣтнаго брата Энрика IV Везильнаго.

За годъ до взятія Гренады знаменитымъ генераломъ Гонзальвомъ Кордуанскимъ, у сенора Лопеца родился въ Лойолѣ тринадцатый ребенокъ, названный Иньиго, то-есть Игнатій. Это произошло въ 1491 г. Біографы-іезуиты добавляють, что его мать, Марина Соне, желая подражать Богородицѣ, удалилась разрѣшаться отъ бремени въ хлѣвъ и положила новорожденнаго въ ясли; затѣмъ, когда возникъ вопросъ объ имени, которое слѣдовало дать малюткѣ, то послѣдній громко и отчетливо заговорилъ: «Меня зовутъ Иньиго». Какъ бы то ни было, но тринадцатый ребенокъ, хотя родившійся при такихъ чудесныхъ обстоятельствахъ, являлся обузою для родителей, и тѣ сбыли его отставному королевскому казначею, Хуану Веласко, который, какъ можно догадываться, былъ крестнымъ отцомъ маленькаго Иньиго. Веласко жилъ на покой въ старо-кастильскомъ городкѣ Аревало, и его крестникъ провелъ съ нимъ все свое безцвѣтное дѣтство, ничѣмъ не выдаваясь въ толпѣ сверстниковъ и выучившись только читать и писать по-кастильски. Благодаря сохранившимся связямъ при дворѣ, Веласко имѣлъ возможность помѣстить мальчика-гидальго нажемъ въ свиту Фердинанда III. Праздная жизнь среди свѣсивыхъ и богатыхъ придворныхъ, множество красавицъ, окружавшихъ величественную Изабеллу Кастильскую, и чтеніе нелѣпныхъ рыцарскихъ романовъ, такъ удачно осмѣянныхъ впослѣдствіи Сервантесомъ, сформировали молодого Иньиго по общей мѣркѣ. Это былъ молодой человекъ почти высокаго роста, стройный, ловкій, находчивый болтунъ, поклонникъ женщинъ, вина и особенно военной славы, для которой впечатлительный и самолюбивый юноша былъ готовъ пожертвовать всѣмъ. «Амадисъ Галльскій», знаменитый рыцарскій романъ португальскаго писателя Васко де-Ловеира, постоянно манилъ его куда-то въ даль къ рыцарскимъ подвигамъ, на добромъ конѣ, съ хорошо вычищеннымъ

оружіемъ и съ шарфомъ или цвѣткомъ обожаемой дамы. Утомясь бездѣйствіемъ при дворѣ, Лопецъ, какъ истый рыцарь, выбралъ себѣ даму сердца изъ числа хорошенькихъ фрейлинь и поступилъ въ военную службу.

Слава непобѣдимаго Гонзальва Кордуанскаго, бывшаго въ то время кокнетаблемъ, то-есть главнокомандующимъ испанскихъ войскъ въ южной Италіи, сильно померкла, благодаря завистникамъ и сплетникамъ. Поэтому, слѣдуя примѣру старшихъ родныхъ братьевъ, молодой Лопецъ началъ свою военную карьеру подъ начальствомъ дальняго родственника, герцога Антоніо Манрикъ-Нахара, покровительствовавшаго, какъ видно, всей семьѣ Лопецотца. Въ царствованіе Фердинанда III военныя дѣйствія почти не прекращались, а потому бывший воспитанникъ казначея Веласко былъ крайне доволенъ, попавъ въ свою сферу. Съ головою, переполненною невѣроятными подвигами сказочныхъ рыцарей, онъ окунулся со всѣмъ пыломъ своей страстной, подвижной натуры во всѣ превратности военно-походной жизни того времени, переполненной всевозможными приключеніями. Подробныхъ свѣдѣній о его служебной дѣятельности не имѣется къ сожалѣнію; известно только, что безумной храбростью, энергіей и распорядительностью молодой Лопецъ обратилъ на себя вниманіе покровителя-герцога и пользовался славой самаго блестящаго офицера. Въ январѣ 1516 г. скончался Фердинандъ III и на престолъ вступилъ его внукъ Карлосъ I, согласно предсмертной волѣ его бабки Изабеллы, знавшей, что ея дочь, а его мать, Хуана Безумная, не способна управлять государствомъ. Шестнадцатилѣтній юноша, такъ какъ онъ родился 24 февраля 1500 г., считалъ себя и былъ на самомъ дѣлѣ самымъ могущественнымъ монархомъ въ мірѣ; подъ его скипетромъ были: Испанія, Балеары, Неаполь, Сицилія, Мексика, Вестъ-Индія и Перу, а съ 12 января 1519 г., по смерти другого дѣда, императора германскаго Максимилиана I, онъ объявленъ былъ императоромъ Карломъ V и ему повиновались еще Германія, Чехія, Нидерланды и Бургундія. При такомъ могуществѣ не мудрено было закружиться головѣ, а потому, не обращая вниманія на подписанный имъ 13 августа 1516 года въ Нойонѣ мирный договоръ съ французскимъ королемъ, по которому Наварра уступалась королю Жану д'Альбрэ Наваррскому, Карлъ V рѣшился

въ 1520 г. овладѣть спорною областью и объявилъ Франціи войну.

Испанскія войска двинулись изъ Кастиліи и Каталоніи, быстро покорили южную Наварру и заставили короля Жана д'Альбре бѣжать во Францію; цитадель въ Пампелунѣ, важнѣйшемъ городѣ Наварры, была поручена молодому Лопецу. Уже испанцы собрались двинуться въ сѣверную Наварру, какъ съ Пиренеевъ спустился французскій генералъ Фуа-Леспарръ. Побѣдопоспо пройдя всю Наварру, онъ осадилъ Пампелуну и началъ ее штурмовать; городъ, несмотря на усилія испанцевъ, долженъ былъ сдаться побѣдителю. Только комендантъ цитадели, Иньиго Лопецъ, рѣшился держаться противъ вдесятеро сильнѣйшаго врага, съ упорствомъ, свойственнымъ горцу и фанатику долга; цитадель ничѣмъ не была снабжена, защитниковъ было мало, но Лопецъ не унывалъ и, какъ поклонникъ Амадиса Галльскаго, мечталъ одинъ бороться со всей французской арміей. Желая избѣгнуть бесполезнаго кровопролитія, Фуа-Леспарръ предложилъ ему черезъ нѣсколько дней сдаться, но упрямецъ не хотѣлъ ничего слушать и смѣло, съ мечемъ въ рукѣ, окруженный горсточкой испанскихъ солдатъ, ждалъ въ проломѣ непріятеля. Начался послѣдній приступъ. Во время свалки обломокъ камня отъ стѣны перебилъ Лопецу лѣвую ногу, вслѣдъ затѣмъ шальной выстрѣлъ попалъ ему въ правую ногу и защитникъ цитадели упалъ безъ чувствъ, а солдаты успѣшили сдаться. Уважая отвагу и доблесть коменданта, французы любезно подняли полумертвое тѣло его, снесли въ одинъ изъ уцѣлѣвшихъ домовъ и здѣсь оказали первую медицинскую помощь. Когда Лопецъ пришелъ въ чувство, великодушный Фуа-Леспарръ далъ ему возможность добраться до Лойолы.

Это произошло въ началѣ 1521 г. Такимъ образомъ только тридцати лѣтъ отъ роду Лопецъ увидалъ родительскій домъ, такъ какъ раньше врядъ ли онъ бывалъ въ немъ. 30 іюня 1521 года французы потерпѣли страшное пораженіе подъ Эсквиромъ, бѣжали за Пиренеи и испанская Наварра была окончательно присоединена къ владѣніямъ Карла V. Пока совершались эти событія, бѣдный Лопецъ былъ прикованъ къ постели и съ грустью сознавался, что его военная карьера окончена. Дѣло въ томъ, что лѣвая нога плохо срослась, и призванные хирурги нашли

необходимымъ вторично ее сломать, чтобы сростаніе шло усѣшнѣе; передъ этою ужасною операціею у больного былъ бредъ, ему явился апостоль Петръ и обѣщалъ самъ лечить храбраго рыцаря. Въ благодарность за лестное покровительство хранителя райскихъ ключей, Лопецъ тутъ же, въ бреду, сочинилъ по кастильски гимнъ въ честь св. Петра, къ-то изъ домашнихъ записанный на бумагу. Придя въ себя, больной самоувѣренно выразилъ непоколебимое убѣжденіе, что онъ обязательно выздоровѣетъ, такъ какъ онъ не все еще совершилъ изъ того, что ему предназначено свыше. Въ силу этого, Лопецъ перенесъ операцію ломанія ноги съ полнымъ спокойствіемъ, какъ бы пренебрегая страданіями; какая-то косточка высунулась изъ мяса выше колѣна и больной настоялъ, чтобы ее отпилили, хотя сами врачи опасались за исходъ этой операціи. Когда оказалось, что, благодаря ранамъ, одна нога стала короче другой, то Лопецъ, надѣясь ихъ сравнять, согласился, чтобы ему вытягивали ногу какою-то особенною желѣзною машиною. Эта пытка продолжалась долго, но пользы не принесла, и бывший комендантъ на всю жизнь остался хромоногимъ.

Прошло время острыхъ страданій и тяжелыхъ операцій, но больной не могъ покидать постели, ожидая окончательнаго выздоровленія ноги. Ясность мыслей и жажда дѣятельности вернулись, но приходилось спокойно и неподвижно лежать, чтобы не бередить ранъ. Тогда Лопецъ накинудся на единственное, что ему позволялось—на чтеніе—и потребовалъ рыцарскихъ романовъ, чтобы хотя мысленно принимать участіе въ славныхъ боевыхъ подвигахъ. Въ жилищѣ каждаго гидальго эти романы были обязательно въ библиотекѣ; очевидно они были и въ Лойолѣ, но чья-то рука, быть можетъ матери, потрясенной болѣзнию сына, подала ему, вмѣсто произведеній Терульда, Ловеяры и Вистаса, житія святыхъ, жизнеописаніе Иисуса Христа и «Цвѣтокъ святыхъ». Съ тоски рыцарь Лопецъ принялся и за такое чтеніе, но вскорѣ оно его заинтересовало; особенно онъ сталъ внимательно читать про земную жизнь Спасителя и про святыхъ Доминика (род. въ 1170 г., ск. 4 августа 1221 г.), основателя ордена доминикановъ или братьевъ-проповѣдниковъ, и Франциска Ассизскаго (род. въ 1182 г., ск. 4 октября 1226 г.), основателя ордена

францискановъ или меньшихъ братьевъ. Долгіе дни своего наго плѣна Лопецъ зачитывался принесенными книгами, и съ пылкое воображеніе, а также свойственная всѣмъ васконамъ, страсть къ чему нибудь особенному, способному выдѣлать изъ толпы и прославить, внушили ему мысль бросить грѣхъ, свѣтскую жизнь и отдаться христіански-духовной дѣятельности. Онъ сталъ обсуждать эту мысль, развивать ее — и въ немъ началась внутренняя борьба: съ одной стороны удовольствія жизни, жажды рыцарской славы, ласки женщинъ и все то, что можетъ привлекать 30-лѣтняго мужчину; съ другой — полное одиночество, подвиги религіознаго рвенія и самоотверженія, разрывъ съ прошлымъ, подражаніе угодникамъ, возможность обратитъ на себя милости самого Бога. Борьба была продолжительная и упорная въ время печальныхъ зимнихъ мѣсяцевъ. Наконецъ мысль о возможности прославиться и на духовномъ поприщѣ, а также мысль о покровителѣ св. Петрѣ, который конечно являлся ему не одержали верхъ, и Иньиго Лопецъ, со всею непреклонною рѣшимостью горца или, лучше сказать, со всѣмъ упрямствомъ васкона, окончательно остановился на намѣреніи отказаться отъ всего прошлаго и начать новую, еще невѣдомую ему жизнь. Онъ слава Господа Бога, Иисуса Христа и Пресвятой Дѣвы Маріи, въ которой онъ рѣшился объявить себя.

III. Рыцарь Св. Дѣвы Маріи.

Не зная ничего изъ того, что долженъ проповѣдникъ словъ Божія знать обязательно, не выработавъ ничего опредѣленнаго относительно своихъ отношеній къ обществу, безъ яснаго плана своихъ будущихъ дѣйствій, бывший свѣтскій кабаллеро и полезный офицеръ захотѣлъ, такъ сказать, покорить уничтоженіе, испытать на себѣ всѣ невзгоды подвижничества. Со времени знакомства съ книгами духовнаго содержанія онъ сталъ вѣрить въ Бога, но крайне своеобразно, какъ это будетъ видно впоследствии. Принявъ

твердое намѣреніе начать новую жизнь, Иньиго Лопецъ въ половинѣ марта 1522 г. покинулъ родительскій замокъ Лойолу тайкомъ, не сказавъ никому ни слова. Правда, что родные устроили надъ нимъ тайный надзоръ, видя его восторженное настроеніе и зная его сумасбродство, но мнимый больной обманулъ ихъ бдительность. Выбравшись рано утромъ на дорогу, Лопецъ направился сначала на своемъ мулѣ къ Монтецерратскому монастырю, куда стекались многочисленные богомольцы поклониться чудотворной иконѣ Богоматери, долженствующей сдѣлаться патронессою новообращеннаго рыцаря. По дорогѣ Лопецъ догналъ какого-то мавра, съ которымъ вступилъ отъ нечего дѣлать въ разговоръ: зашла почему-то рѣчь о Богородицѣ, и дерзкій мавръ сталъ отзываться о ней непочтительно. Сначала Лопецъ пробовалъ подѣйствовать на мусульманина силою убѣжденія, но возраженія разсердили его, въ проповѣдникѣ проснулся энергичный офицеръ—и онъ выхватилъ шпагу, чтобы наказать дерзкаго. Испуганный мавръ обратился въ бѣгство на своей лошади, а рыцарь пустился догонять его; однако быстрое движеніе охладило его, и онъ сталъ разсуждать о неумѣстности своей вспышки. Впереди дорога раздваивалась: вправо виднѣлось селеніе, гдѣ жилъ мавръ, а влѣво—монастырь, куда направлялся рыцарь; фаталистъ, какъ большинство васконовъ, Лопецъ рѣшился положиться на волю мула; если онъ повернетъ къ селенію, значить рыцарскій обѣтъ можно не исполнять, а если повернетъ къ монастырю, значить такъ угодно Св. Дѣвѣ. Мулъ бойко доскакалъ до развѣтвленія дороги и.. взялъ влѣво.

Прибывъ къ часовнѣ Богоматери, Лопецъ нашелъ необходимымъ поступить по всѣмъ правиламъ рыцарскаго кодекса и, прежде чѣмъ окончательно посвятить себя въ рыцари Св. Дѣвы Маріи, продежурить всю ночь передъ изображеніемъ своей патронессы. Съ этой цѣлью онъ, при наступленіи вечера, облачился въ вычищенные рыцарскіе доспѣхи и при полномъ вооруженіи сталъ на стражѣ передъ образомъ; всю ночь провелъ онъ въ молитвѣ, обливаясь слезами о своихъ грѣхахъ и давая обѣты быть нелицемѣрнымъ и преданнымъ рыцаремъ избранной имъ «дамы» и совершать все только во славу ея. Утро застало его бодрствующимъ. Прочитавъ послѣднюю молитву, Лопецъ принесъ въ жертву Богородицѣ

свою шпагу, повѣсивъ ее на одну изъ колоннокъ часовни, снялъ съ себя весь дорогой рыцарскій нарядъ, остатокъ презираемаго имъ отнынѣ богатства, и подарилъ его стоящему вблизи нищему. Затѣмъ надѣлъ нищенское рубище, подпоясался веревкою и пѣшкомъ направился въ близъ лежащій городокъ Манресу. Все, только-что рассказанное, онъ, какъ вѣжливый и деликатный кабаллеро, продѣлалъ на 25 марта, день Благовѣщенія Богородицы. По прибытіи въ городъ Лопецъ пріютился при монастырской больницѣ и началъ свой искусь. Первое время монастырская братія не хотѣла и принимать его, такъ какъ Лопецъ не сдѣлалъ никакого вклада, но потомъ помирилась съ нимъ во время его новой болѣзни. Посвятивъ себя посту и молитвѣ, онъ находилъ скудный больничный столъ даже чрезчуръ роскошнымъ и часто отказывался отъ него; дни онъ проводилъ въ молитвѣ или просилъ подаваніе, одѣтый въ рубище, подъ которымъ навѣшнрвалъ камни и вериги, становясь при этомъ, и даже съ наслажденіемъ предметомъ насмѣшекъ праздныхъ ребятишекъ и взрослыхъ зукаловъ; по ночамъ же, съ тѣми же веригами, онъ ложился сна голой землѣ, по отгоняя отъ себя сонъ молитвами и разшленіями. Уничжая себя въ своемъ фанатизмѣ, онъ дошелъ до мысли, что всего этого мало, такъ какъ все это въ недостаточной степени усмирало его страстный, пылкій темпераментъ, и ему казался необходимымъ искусь посуровѣе, порѣзче и подѣйствительнѣе.

Съ этою цѣлью онъ отправился на поиски и, въ 600 шагахъ отъ Манресы, на скалистомъ берегу рѣки Льобрегатъ, впадающей въ Средиземное море, разыскалъ почти неприступную пещеру, въ которую можно было забраться чуть не ползкомъ черезъ колючіе кустарники. Рыцарь Св. Дѣвы расположился въ этой пещерѣ и устроился вполне по своему вкусу. Все время онъ проводилъ въ религіозномъ созерцаніи божественныхъ качествъ небснаго Учителя или въ самыхъ тяжелыхъ грубыхъ работахъ, утомляя и ломая себя на подобіе пустынножителей первыхъ вѣковъ христіанства. То борясь съ чортомъ, который самолично являлся искушать и совращать его во всевозможныхъ видахъ, то охваченный неземнымъ восторгомъ при видѣ небсныхъ наслажденій и явленій, то изнемогая въ обморокъ послѣ подобныхъ потрясеній и бесѣдуя въ это время съ Богомъ, Лопецъ достигъ постепенно такого со-

стоянія, когда онъ сдѣлался существомъ не отъ міра сего или, лучше сказать, самымъ высокопробнымъ фанатикомъ, для котораго понятія о времени, пространствѣ и логикѣ не существовали. Въ своемъ дико-восторженномъ настроеніи, онъ, не имѣвшій раньше ни времени, ни охоты учиться по книгамъ, пришелъ къ созванію, что теперь, при помощи свыше, онъ сразу усвоилъ науку познанія людей: подъ горячимъ впечатлѣніемъ, не выходя почти къ людямъ и любуясь только небомъ и водою, онъ написалъ первый свой литературный трудъ по кастильски — «Духовныя упражненія», отразившіяся на всей его дальнѣйшей жизни, а также на исторіи ордена іезуитовъ. Не входя въ оцѣнку этой книги, составленной въ духѣ и формѣ рыцарскихъ романовъ, единственныхъ литературныхъ произведеній, хорошо знакомыхъ Лопецу, — замѣтимъ только, что по ней можно убѣдиться, какъ сбивчивы и смутны были у отставного офицера понятія о христіанскихъ догматахъ, какъ своеобразно понималъ онъ личность Іисуса Христа и какъ легко онъ могъ быть обвиненъ за эту книгу въ несторіанствѣ, еслибы за него покруче взялись доминиканцы-инквизиторы.

Между тѣмъ молва о пустынникѣ, обитателѣ пещеры, разошлась по окрестностямъ, чему конечно содѣйствовали и друзья Лопеца, бенедиктинцы, жившіе въ монтесерратскомъ монастырѣ. Наконецъ извѣстіе о немъ достигло замка Лойолы, гдѣ мирно жили его родители и братья. Старшій изъ послѣднихъ, Мартинъ-Гарціасъ Лопецъ, немедленно явился въ Манресу, чтобы вернуть брата на путь истины; однако всѣ его просьбы и убѣжденія не привели ни къ чему. Иньиго Лопецъ былъ въ томъ душевномъ настроеніи, которое въ настоящее время назвали бы психопатическимъ, и оставался глухимъ къ рѣчамъ брата. Побившись нѣсколько дней и видя, что ему не добиться толку, Мартинъ-Гарціасъ махнулъ рукою и опечаленный вернулся домой. Тѣмъ временемъ Иньиго перечиталъ свои «Духовныя упражненія», убѣдился въ ихъ полной доброкачественности и рѣшилъ про себя, что если онъ много далъ Богу, то и получилъ отъ Него съ процентами, такъ какъ написать такую превосходную книгу безъ непосредственнаго содѣйствія Бога невозможно, а между тѣмъ «при такой книгѣ даже Евангеліе становится излишнимъ». Покое-

чивъ съ этимъ, Лопецъ объявилъ своимъ друзьямъ-бенедиктинцамъ о своемъ намѣреніи отправиться на поклоненіе гробу Господню въ Іерусалимъ и затѣмъ обратитъ въ христіанство всѣхъ сарацинъ-мусульманъ. Монастырская братія одобрила это благочестивое желаніе пустынножителя и, кажется, въ февралѣ 1522 года Лопецъ, совершенно приготовленный для единоличной борьбы со всѣми врагами Бога, покинулъ Манресу и пустился со своими «Духовными упражненіями» въ свѣтъ.

Побираясь Христовымъ именемъ, бывшій герой Пампелуны достигъ въ своемъ рублищѣ Барцелоны, слѣдуя по теченію Лабрегата, и тутъ ухитрился попасть на галеру, отправлявшуюся въ Италію. Жестокая буря долго носила по Средиземному морю корабль и только на пятый день ему удалось пристать къ Гаэтѣ. Разбитый и утомленный переѣздомъ, Лопецъ долженъ былъ нѣсколько дней отдыхать, а затѣмъ отправился пѣшкомъ въ Римъ, желая получить благословеніе папы передъ путешествіемъ въ Святую землю. Въ Вербное воскресенье достигъ онъ вѣчнаго города и вскорѣ удостоился приложиться къ туфтѣ папы Адриана VI, бывшаго воспитателя Карла V и вице-короля Испаніи. Запыленный странникъ прошелъ незамѣченнымъ, получилъ за-одно съ другими общее благословеніе и, съ облегченнымъ сердцемъ, покинулъ Римъ, направляясь къ Венеціи. Въ это время въ Италіи свирѣпствовала чума. Села и города подвергались дѣйствию этой заразы и люди сотнями умирали въ домахъ, на улицахъ, на поляхъ; устранный народъ прятался ото всѣхъ и каждый безобидный странникъ внушалъ страхъ, такъ какъ его считали вѣстникомъ чумы. Тѣмъ болѣе внушалъ страхъ Лопецъ, исхудавшій отъ подвижничества, съ мертвенно блѣднымъ лицомъ и фосфорически сверкающими глазами; ему подъ носомъ запирали двери, за которыми онъ рассчитывалъ найти ночлѣгъ и кусокъ хлѣба, такъ что ему зачастую приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ на сырой землѣ. Какъ ни закалялъ себя рыцарь Св. Дѣвы лпшеніяхъ, но такое странствованіе надломило его настолько, что около Падуи онъ былъ близокъ къ смерти отъ истощенія. Тутъ явился «добрый товарищъ», самъ Іисусъ Христосъ. Онъ ободрилъ ослабѣвшаго, обѣщалъ ему свою помощь и такъ подкрѣ-

пилъ Лопеца своимъ появленіемъ, что тотъ благополучно и не-
вредимо достигъ адриатической столицы на лагунахъ—Венеціи.

Здѣсь, въ главномъ средоточіи западно-европейской торговли
того времени, Лопецъ могъ бы затеряться въ толпѣ равнодуш-
ныхъ торгашей, еслибы въ немъ не принялъ случайно участія
какой-то зажиточный землякъ. Узнавъ о дѣли его паломничества,
испанецъ выхлопоталъ ему мѣстечко на правительственной галерѣ,
отправлявшейся къ берегамъ Сиріи, и снабдилъ кое-какою про-
визією. Освѣжившійся и отдохнувшій Лопецъ бодро занялъ свое
мѣсто на галерѣ и рѣшился немедленно приступить къ исправ-
ленію нравовъ разгульныхъ матросовъ. Наивный до ребячества,
самоувѣренный до крайности, неопытный въ житейскомъ отно-
шеніи, такъ какъ онъ зналъ только лагерную жизнь, Лопецъ во-
ображалъ, что стоитъ только захотѣть чего нибудь ему, — и онъ
непремѣнно добьется желаемого. Первое же практическое столкно-
веніе на избранномъ имъ самимъ поприщѣ показало ему всю
трудность предпринятаго дѣла. На первыхъ порахъ напуганные
его страстными и малопонятными рѣчами, матросы покаялись и
успокоились, но потомъ имъ это надоѣло, они стали возражать и
наконецъ единодушно подвняли проповѣдчика нравственности на
смѣхъ. Задѣтый за живое, рыцарь Св. Дѣвы сталъ угрожать имъ
наказаніемъ свыше; тогда озлобившіеся матросы уговорились, при
первомъ же удобномъ случаѣ, высадить его на какой нибудь не-
обитаемый островокъ. Къ счастью для Лопеца, этой грубой шут-
ки не пришлось исполнить, потому что по выходѣ галеры изъ
Адриатическаго моря пришлось бороться съ сильнымъ волненіемъ
и стараться не сбиться съ курса. Обновивъ свои запасы на остро-
вѣ Кипрѣ, галера благополучно достигла Яффы, откуда Лопецъ
съ толпою богомольцевъ добрался 4 сентября 1523 года до Іе-
русалима.

Съ благоговѣніемъ посѣтилъ онъ всѣ мѣста, освященные воспоми-
наніемъ о земной жизни Спасителя, наплакался, помолился и затѣмъ
рѣшился заняться главною своею задачею—обращеніемъ мусуль-
манскаго Востока въ христіанство. Какъ солдатъ, привыкшій къ
дисциплинѣ, прежде чѣмъ взяться за дѣло, усердный рыцарь обра-
тился за благословеніемъ къ провинціалу (т. е. начальнику от-
дѣла) ордена францискановъ, имя котораго къ сожалѣнію неиз-

вѣстно. Умный и осторожный провинціалъ, прежде чѣмъ дать благословеніе на такое опасное дѣло, рѣшился проэкзаменовать проповѣдника, ему незнакомаго; съ удивленіемъ увидаль онъ, что Лопецъ мѣстныхъ языковъ не знаетъ, съ мусульманскимъ вѣрученіемъ незнакомъ и наконецъ въ христіанскомъ богословіи болѣе чѣмъ неучъ. Изумленный и раздосадованный этой фанатической смѣлостью, провинціалъ безцеремонно выпроводилъ рыцаря изъ Іерусалима и энергично подтвердилъ ему убраться, откуда онъ пришелъ, если не хочетъ бесполезно рисковать жизнью. Ошеломленный такимъ жестокимъ урокомъ и потерявъ еще на галерѣ большую часть своей слѣпой самоувѣренности, Лопецъ покорно выполнилъ приказаніе и покинулъ Палестину. Ободранный, голодный, полузамерзшій, онъ какимъ-то чудомъ остался въ живыхъ и ухитрился вернуться въ январѣ 1524 года въ отчасти знакомую ему Венецію. Нисколько не поколебленный цѣлымъ годомъ неудачъ, упрямый васконъ, едва отдохнувъ отъ тяжелаго переѣзда, рѣшился обращать въ христіанство — христіанъ венеціанскихъ, забывшихъ, по его мнѣнію, все ученіе Христа.

Однако его и тутъ ждало разочарованіе. Въ нѣсколькихъ диспутахъ, на которые онъ смѣло выступилъ, его унизили, осмѣяли и опозорили, доказавъ цѣлымъ рядомъ доводовъ и цитатъ, что онъ — круглый невѣжда, которому нужно не проповѣдывать слово Божіе, а сѣсть за букварь. У сконфуженнаго рыцаря Св. Дѣвы открылись наконецъ глаза, и онъ понялъ свой промахъ; другой на его мѣстѣ махнулъ бы рукою на свою проповѣдническую страсть и быть можетъ вернулся бы въ военную службу, но Иньиго Лопецъ былъ не изъ такихъ. Съ упрямствомъ и настойчивостью горца-васкона онъ соединялъ страшную силу воли и изумительное терпѣніе. При знакомствѣ съ такими характерами, становится вполне понятной итальянская поговорка: «Если испанцу нужно вбить въ стѣну гвоздь, а молотка подъ руками не будетъ, то онъ замѣнитъ его своей головой и вобьетъ гвоздь въ стѣну». Лопецъ сталъ обдумывать свое положеніе и изыскивать способы достичь намѣченной еще въ Лойолѣ цѣли: укрѣпить вѣру въ Бога и этимъ пріобрѣсти извѣстность и славу. Неуспѣхъ его посланничества происходилъ отъ двухъ причинъ: онъ былъ вполне необразованный человѣкъ и дѣйствовалъ до сихъ поръ одинъ; слѣдовательно,

ему необходимо получить научное образование и создать духовное братство, воинствующее во славу Божию. Такимъ образомъ въ Венеціи пришла Лопецу впервые мысль объ ордень іезуитовъ, а не въ пещерѣ подлѣ Манресы, какъ увѣряетъ не въ мѣру усердствующій біографъ Лопеца, іезуитъ Рибаденейра, старавшійся доказать, что чуть ли не со дня рожденія предназначеніе великаго человѣка было ясно до очевидности. Непосильная задача для 33-лѣтняго рыцаря Св. Дѣвы нисколько не устрасила и не поколебала его. «Это нужно—значить, это должно быть сдѣлано», вотъ вѣроятно какъ формулировалъ Лопецъ свою новую задачу. А разъ рѣшившись, онъ не откладывалъ дѣла. Учиться латыни, этому первоисточнику всей премудрости того времени, Лопецъ не хотѣлъ въ Италіи, такъ какъ онъ никогда не владѣлъ хорошо итальянскимъ языкомъ; поэтому онъ нашелъ необходимымъ возвратиться въ Испанію, а именно въ Барселону, въ которую онъ не могъ попасть по причинѣ чумы два года тому назадъ, то есть при бѣгствѣ изъ замка Лейола. Но чтобы скорѣе попасть туда, надо было добраться до Генуи, а какъ разъ въ это время сѣверная Италія сдѣлалась театромъ войны Карла V съ французскимъ королемъ, неукротимымъ воителемъ и блестящимъ баловнемъ женщинъ, Францискомъ I.

Люди, сочувствующіе Лопецу, совѣтовали ему избрать болѣе безопасный, хотя и болѣе кружной путь, чтобы добраться до одного изъ средиземныхъ портовъ; но онъ нашелъ это какъ бы унизительнымъ для себя, бывшаго офицера, и смѣло покинулъ Венецію въ своемъ рубищѣ, питаясь подаяніемъ и прямолинейно направляясь въ Геную. Передвиженія войскъ, сторожевыя цѣпи, сраженія, взятіе городовъ приступомъ, преслѣдованіе бѣгущаго непріятеля—все это страшно задерживало путешественника, а подчасъ ставило его въ опасное положеніе: его могли нечаянно убить и могли разстрѣлять, какъ шпіона. Въ одной деревнѣ его арестовалъ испанскій отрядъ, считая его подосланнымъ французами; едва убѣдивъ начальника отряда, Лопецъ не избѣгъ таки глумленія расходившихся солдатъ: его раздѣли и голаго водили долгое время по всей лагерной стоянкѣ. Едва вырвался отъ нихъ знаменитый герой Пампелуны и поспѣшилъ наверстать потерянное время. Наконецъ онъ добрался, къ великому своему удовольствію, до

Генуи, гдѣ ему удалось найти мѣсто на одномъ изъ кораблей, совершавшемъ рейсы до Барцелоны, благодаря содѣйствию Портунде, начальника испанской эскадры, съ которымъ онъ познакомился, будучи еще придворнымъ пажемъ. Съ небольшимъ черезъ годъ возвратился Лопецъ на родину, значительно умудренный жизненнымъ опытомъ, но попрежнему непреклонный въ достиженіи развѣдуваннаго.

Прибывъ въ Барцелону, Лопецъ прямо отправился въ одну изъ обыкновенныхъ школъ для дѣтей, объяснилъ учителю свое желаніе, попросилъ его не стѣсняться въ обращеніи и ничѣмъ не отличать взрослога ученика отъ остальныхъ. Набожный преподаватель Ардебаль, умиленный желаніемъ отставнаго офицера, согласился учить его даромъ, а добродушная Изабелла Розель вызвалась кормить его бесплатно втеченіи всего учебнаго времени. Тяжело приниматься въ 33 года за латинскую грамматику, но отступить было стыдно, поэтому съ полнымъ самообладаніемъ и охотою занялъ Лопецъ мѣсто на школьной скамьѣ и принялся за незнакомую ему до сихъ поръ премудрость, не обращая вниманія на насмѣшки ребятишекъ и зубоскальство взрослыхъ. Послѣдовательный теперь въ своихъ поступкахъ, рыцарь Св. Дѣвы, параллельно съ ученіемъ, началъ приводить въ исполненіе свой другой планъ—вербовки сотоварищей; мало того, онъ не оставилъ старой привычки исправлять согрѣшившихъ поученіями и проповѣдями, подавая примѣръ строгимъ образомъ жизни, постами и самоубичеваніемъ. Умерщвляя въ себѣ все плотское и грѣховное, онъ изучалъ склоненія и спряженія по грамматикѣ, а затѣмъ пылкими, страстными рѣчами заставлялъ каяться провинившихся передъ Богомъ и исправляться на самомъ дѣлѣ. По странной случайности, духовныя власти города не обращали вниманія на незнакомаго для нихъ проповѣдника и не стѣсняли его миссіонерской дѣятельности; благодаря этому, въ городѣ скоро заговорили о суровомъ проповѣдникѣ нравственности и вокругъ него сгаль образовываться кружокъ ревностныхъ послѣдователей. Удачно пользуясь обстоятельствами, Лопецъ выбралъ себѣ четырехъ учениковъ и этимъ положилъ основу проэктированному имъ духовному товариществу. Эти ученики были: три каталонца — Артиага, Каллисть и Кацересъ да пажъ Жеганъ изъ французской Наварры;

рѣ четверо—мало опытные и мало-свѣдущіе молодые человѣка, увлекшіеся аскетизмомъ и пламенными рѣчами Лопеца, не перестававшаго усердно зубрить латинскую грамматику. Такъ прошло два года, и Лопецъ, не желавшій даромъ терять времени, рѣшилъ, что онъ достаточно подготовленъ для поступленія въ высшее учебное заведеніе.

Уговоривъ учениковъ слѣдовать за нимъ, Лопецъ покинулъ Барселону и направился въ Алкала-де-Генаресъ, гдѣ процвѣталъ Чичый университетъ, основанный знаменитымъ кардиналомъ и регентомъ Кастиліи во время дѣтства Карла V, Франчиско Хименсъ-де-Чиснеросъ, въ 1498 г.; мѣстопробываніе архіепископа, средоточіе кастильской образованности, Алкала была въ то время многолюдна, богата и оживлена. Лопецъ поступилъ на курсы въ университетъ и повелъ тотъ же образъ жизни, какой онъ велъ въ столицѣ Каталоніи. Вокругъ него стали собираться кающіеся, о немъ заговорили по городу и общее вниманіе обратилось на незнакомаго студента въ черномъ плащѣ и сомбреро; благородныя кастильянки рѣшили безповоротно, что это святой, и наперерывъ принялись приглашать его въ качествѣ исповѣдника. Двѣ изъ нихъ, воспламененныя его разказами о страннической жизни во славу Божию и о задуманномъ духовномъ воинствующемъ братствѣ, рѣшились продѣлать то-же самое и тайкомъ бѣжали изъ Алкалы, покинувъ мужей и семьи. Скандаль вышелъ громаднѣй, и инквизиція, давно уже слѣдившая за рыцаремъ Св. Дѣвы, немедленно арестовала его и подвергла допросу, считая его сочленомъ опасной въ то время религіозно-мистической секты иллюминатовъ. Старшій инквизиторъ и великій викарій доминиканцевъ, Фигвероа, убѣдился въ своей ошибкѣ послѣ самаго поверхностнаго допроса и выпустилъ на свободу студента-проповѣдника, но въ это время поступили жалобы оскорбленныхъ мужей, и Лопеца вторично арестовали. Двѣ дамы высшаго круга, Тереза Карденасъ, мать герцога Діэго Макведа, и статсъ-дама Аліенора Маскареньясъ, бывшая кормилица наслѣднаго принца Филиппа, приняли живое участіе въ святомъ проповѣдникѣ и выразили желаніе взять его на поруки, но нелюбезный Фигвероа отказалъ имъ въ этомъ. Дѣло могло бы принять очень дурной оборотъ для очистителя нравовъ, еслибы взыбаломшныя кастильянки не вернулись домой послѣ цѣ-

лаго ряда курьезныхъ приключеній. Онѣ удостовѣрили подѣ присягою, что «донъ-Иньиго Лопецъ-де-Рекальде» отговаривалъ ихъ отъ поѣздки, и онѣ поступили противъ его настоятельныхъ совѣтовъ; тогда Фигвероа освободилъ Лопеца, посовѣтовавъ ему прилежнѣе учиться, а не баломутить народъ. Какъ бы то ни было, кредитъ рыцаря Св. Дѣвы былъ подорванъ, ученики отреклись отъ него, опасаясь инквизиціи, и онъ въ досадѣ покинулъ Алкалу, чтобы продолжать ученіе въ Саламанкѣ. По дорогѣ Лопецъ остановился въ Вальядолидѣ, гдѣ обратился за совѣтомъ къ толедскому архіепископу Фонсекѣ; послѣдній благословилъ его и даже далъ денегъ, чтобы ревностный студентъ могъ безпрепятственно добраться до университетскаго города.

«Маленькій Римъ», какъ долго называли Саламанку, обладалъ стариннымъ университетомъ, основаннымъ въ 1239 году леоно-кастильскимъ королемъ Фердинандомъ III Святымъ. Записавшись на университетскіе курсы, неутомный Лопецъ повелъ тотъ же образъ жизни, какъ и въ Алкалѣ; поэтому немудрено, что въ городѣ скоро заговорили о суровомъ ревнителѣ нравственности и благочестія. Къ тому же изъ Алкалы прибыли раскаявшіеся Артиага, Каллисть, Кацересъ и Жеганъ. Инквизиція исполнилась и великій викарій доминиканцевъ, Фріасъ, велѣлъ арестовать всѣхъ пятерыхъ. Относясь почему-то къ Фріасу съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ Фигвероа, Лопецъ на допросѣ показалъ ему свои «Духовныя упражненія». Великій викарій пригласилъ экспертами трехъ докторовъ богословія и поручилъ имъ рассмотреть произведеніе студента Лопеца-де-Рекальде; доктора прочитали книгу и объявили, что въ ней противохристіанскаго въ духѣ католицизма ничего нѣтъ, но видно полное неумѣнье владѣть перомъ, а потому слогъ сбивчивый и неясный. Тогда Фріасъ выпустилъ на волю злосчастнаго рыцаря, внушительно «посовѣтовавъ» ему учиться, такъ какъ онъ мало искусенъ въ риторикѣ и можетъ впасть въ ересь. Взбѣшенный такимъ совѣтомъ, Лопецъ объявилъ одновременно съ нимъ выпущеннымъ ученикамъ, что въ Испаніи учиться нечему, что здѣсь не понимаютъ его великихъ идей, а потому имъ слѣдуетъ отправиться въ Парижъ. Злосчастные ученики потеряли терпѣніе и наотрѣзъ отказались слѣдовать за учителемъ, изъ-за котораго они перенесли только массу неприят-

ностей. Тяжело вздохнул покинутый всѣми и непризнанный рыцарь Св. Дѣвы, нагрузилъ свои скромные пожитки на осла и, подгоняя его, отправился пѣшкомъ изъ Саламанки въ Парижъ.

IV. Проповѣдникъ Лойола.

Парижскій университетъ, первый по времени въ Европѣ, былъ окончательно учрежденъ въ 1200 г. французскимъ королемъ Филиппомъ II. Ученый англичанинъ Курсонъ написалъ для него уставъ, который былъ утвержденъ королемъ въ 1205 г., а со времени короля Карла V Мудраго университетъ получилъ титулъ «старшей дочери французскихъ королей». Самое названіе «университетъ» было впервые примѣнено къ парижскому, такъ какъ, по идеѣ Курсона, здѣсь было всемірное сосредоточіе преподавателей и учащихся, «universitas magistrorum et auditorum». Владѣя съ самаго начала обширными привилегіями, университетъ въ Парижѣ приобрѣлъ значеніе особенно въ XIV и XV столѣтіяхъ, вмѣшиваясь въ политическія событія Франціи и имѣя своихъ представителей въ генеральныхъ собраніяхъ. Изъ четырехъ факультетовъ первенствующую роль игралъ богословскій, преобразованный въ 1252 г. Робертомъ Сорбономъ въ высшее учрежденіе, съ гордостью называемое «непрерывнымъ галльскимъ соборомъ». Эта Сорбонна всегда стояла на стражѣ чистоты католической религіи, была вѣрною помощницею панъ въ борьбѣ съ ересями, первая начала опровергать Лютера, Кальвина и Цвингли, и первая же впоследствии вооружилась противъ іезуитовъ. Философская діалектика, преподаваемая въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ давнихъ поръ слилась съ богословіемъ подъ общимъ названіемъ схоластики и достигла своего апогея въ XIII и XIV столѣтіяхъ, но въ первой четверти XVI столѣтія схоластика стала падать, благодаря нападкамъ Оккама, Бюридана и другихъ. Однако парижскій университетъ и Сорбонна продолжали еще привлекать тысячи слушателей, желавшихъ работать подъ руководствомъ

Гомбо, Буханана, Говеа, Латомуса, Гильома Бюде, Пьера Данеса, Ласкариса, Жана Салиньяка, Рамуса и другихъ свѣтили науки той эпохи. Правда, всѣ ученые и профессора подчинялись строгому ригоризму схоластики въ своихъ лекціяхъ, не смѣя на волосъ уклониться отъ предначертанныхъ рамокъ; тѣмъ же менѣе любознательная молодежь стекалась въ Парижъ со всѣхъ сторонъ: одни жаждали укрѣпиться въ догматахъ вѣры, другіе же, наоборотъ, стремились ознакомиться съ идеями Лютера, Цвингли, Кальвина и Меланхтона.

Въ этотъ-то центръ умственной кипучей дѣятельности прибылъ въ январѣ 1528 г. испанскій дворянинъ Иньчго Лопецъ, начавшій теперь именоваться Лойолою, въ честь замка, гдѣ онъ родился; поэтому и мы начнемъ называть его теперь этимъ новымъ именемъ. Какъ совершилъ свое путешествіе Лойола, что случилось съ нимъ замѣчательнаго дорогою, остается неизвѣстнымъ, хотя со времени своего появленія въ Парижѣ онъ во многихъ отношеніяхъ сильно измѣнился. Оставаясь прежнимъ пламеннымъ ревнителемъ своеобразно понимаемаго христіанства и нравственности, Лойола какъ-то практически поумнѣлъ, пересталъ подвергать себя публичному осмѣянію, какъ это было въ Алкаль и Саламанкѣ, рѣзкія психопатическія выходки прекратились, а шероховатости упрямаго васкона сгладились. Онъ сталъ упорно, настойчиво, но осторожно и умно, добиваться своей завѣтной идеи ясно сформулированной въ Венеціи: создать духовное братство для борьбы съ врагами католической церкви. Рыцарь Св. Дѣвы Маріи ступшевался куда-то безслѣдно; явился проповѣдникъ нравственности умственной и тѣлесной, будущій основатель ордена іезуитовъ. Что повліяло такъ на Лойолу, остается неразгаданнымъ, потому что біографы его проходятъ полнымъ молчаніемъ эту эпоху его жизни. Криминалисты въ подобныхъ случаяхъ говорятъ: «*Cherchez la femme*», и кажется мы будемъ очень близки къ истинѣ, если укажемъ на Алиенору Маскареньясъ, какъ на тайную вдоховительницу Лопеца; познакомясь съ нимъ въ Алкаль, а можетъ быть и раньше, эта дама поддерживала съ нимъ оживленную переписку до самой его смерти.

Являсь въ Парижъ, Лойола поступилъ 1 февраля 1528 г. почему-то не въ университетъ, а въ collegію Монтегю на улицѣ

«Семи дорогъ» (Sept-Voies), желая ознакомиться съ гуманитарными науками. Одновременно съ этимъ, онъ опять взялся за исправленіе нравовъ и на первыхъ же порахъ былъ схваченъ служителями инквизиціи; верховный инквизиторъ парижскій, доминиканецъ Ори, допросилъ его, удовлетворился представленными объясненіями и отпустилъ съ миромъ послѣ нѣсколькихъ дней ареста. Обрадованный успѣхомъ, Лойола продолжалъ ревностно свои проповѣди, привлекая трехъ новыхъ учениковъ, имена которыхъ неизвѣстны, и устроилъ общежитіе. Благотворительность въ Парижѣ была очень ничтожна, такъ что вновь образовавшееся общежитіе буквально голодало. Серьезно озабоченный этимъ, а можетъ быть и по другимъ причинамъ, въ томъ же 1528 г. Лойола предпринялъ таинственную поѣздку во Фландрію и Англію, откуда возвратился съ богатымъ подаваніемъ, котораго могло хватить общежитію на нѣсколько лѣтъ. Послѣ того онъ началъ усердно заниматься и даже для большей успѣшности сократилъ число часовъ, посвящаемыхъ молитвѣ, что для человѣка набожнаго, какимъ былъ несомнѣнно Лойола, считалось большою жертвою. Однако изъ восемнадцати мѣсяцевъ, проведенныхъ въ коллегіи Монтегю, Лойола могъ посвятить собственно ученю только шесть; цѣлый годъ былъ истраченъ на различныя поѣздки, житейскія хлопоты и проповѣди. Считая себя всетаки достаточно подготовленнымъ, Лойола перешелъ на философскіе курсы въ коллегію св. Варвары на Реймской улицѣ; эта коллегія была основана въ 1460 году профессоромъ изъ Наварры Ленорманомъ и управлялась особымъ совѣтомъ изъ монаховъ, тогда какъ коллегія Монтегю, основанная въ 1314 г. руанскимъ архіепископомъ Жиллемъ Айселэнъ-де-Монтегю, имѣла характеръ болѣе свѣтскій и управлялась единолично провизоромъ.

Три ученика, завербованные Лойолою, не удовлетворяли его, и онъ рѣшился усилить составъ общежитія. Съ этою цѣлью онъ началъ пропаганду среди товарищей по коллегіи. Ораторскій талантъ, несомнѣнно развившійся къ этому времени у Лойолы, привлекалъ къ нему множество слушателей, заинтересованныхъ живымъ словомъ, а не схоластической риторикой, лишенной глубины и мысли. Случилось однажды, что цѣлый курсъ собрался слушать проповѣдника, оставивъ старичка-профессора одного въ

залѣ; оскорбленный преподаватель пожаловался пріору коллегіи, что Лойола бунтуетъ студентовъ, и пріоръ внесъ въ совѣтъ монаховъ требованіе высѣчь виновнаго. Предсѣдательствующій монахъ Говеанъ, родомъ изъ португальскихъ дворянъ, потребовалъ Лойолу, выслушалъ его оправдательную рѣчь, пришелъ въ удивленіе, расплакался и объявилъ въ совѣтъ, что передъ нами святой человѣкъ. Отпущенный съ честью, Лойола тѣмъ не менѣе потерялъ кредитъ среди товарищей, которые отъ него отвернулись, какъ отъ предназначеннаго къ сѣченію. Въ это же время покинули по неизвѣстнымъ причинамъ общежитіе и три ученика, быть можетъ недовольные строгостью своего старшаго. Огорченный этими неудачами, Лойола усердно началъ заниматься науками, окончилъ курсъ въ коллегіи св. Варвары съ ученою степенью того времени «maistre ès arts» и въ 1532 году поступилъ на богословскіе курсы въ доминиканскій монастырь на улицѣ св. Іакова. Такимъ образомъ за все свое пребываніе въ Парижѣ Лойола почему-то не нашелъ нужнымъ слушать лекціи университетскихъ профессоровъ; по недостатку матеріаловъ, трудно сказать, не было ли связи между этимъ обѣганіемъ университета и путешествіемъ Лойолы отъ Саламанки до Парижа, а также поѣздкою его во Фландрію и Англію.

Занимаясь богословіемъ у доминиканцевъ, Лойола приступилъ въ третій разъ къ вербовкѣ учениковъ-товарищей для задуманнаго духовнаго братства. На этотъ разъ его выборъ былъ удачнѣе. Первымъ присоединился молодой священникъ Лефевръ, родомъ изъ городка Вилларе въ Савойѣ, тихій и кроткій по характеру, набожный и ученый; суровый и властный Лойола подчинилъ его своему авторитету безъ труда, но долго возился, пока справился съ Ксавье, вторымъ ученикомъ. Ксавье родился 4 апрѣля 1506 г. въ замкѣ Ксавье близъ Пампелуны, столицы испанской Наварры, сошелся съ Лойолою еще въ коллегіи св. Варвары, гдѣ окончилъ курсъ и поступилъ преподавателемъ философіи въ Бова, расположенный въ 72 километрахъ отъ Парижа. Честолюбивый, мечтающій о громкой славѣ, онъ долго отказывался войти въ союзъ съ Лойолою, и только обѣщаніе послѣдняго дать ему возможность прославиться сломило упорство пылкаго васкона, какимъ былъ будущій «апостолъ Индіи». Лайнесъ и Сальмеронъ

явились сами къ автору «Духовныхъ упражненій». Первый изъ нихъ родился въ Альманкариу, селени близъ кастильскаго города Сигвенцы, въ 1512 г. и слушалъ лекціи сначала въ Алкаль, а потомъ у доминиканцевъ вмѣстѣ съ Лойолою; начитанный, скромный по наружности, съ вкрадчивыми манерами и увлекательнымъ краснорѣчіемъ, Лайнесъ лучше многихъ оцѣнилъ достоинство задуманнаго дѣла и увлекъ за собою Сальмерона; послѣдній родился въ 1516 г. въ Толедо и также учился одно время въ Алкаль. Привлеченные слухами о проповѣдникѣ нравственности, къ союзу примкнули Альфонсъ, прозванный по мѣсту рожденія Бобадилья, и Родригесъ, родомъ изъ Буделлы. Такимъ образомъ вокругъ Лойолы сошлись шесть молодыхъ людей съ пустыми карманами, но религіозные, послушные волѣ старшаго, преданные католической церкви и готовые бороться за нее съ кѣмъ угодно. Союзники часто сходились вмѣстѣ и вели бесѣду о томъ, какъ они покорятъ безъ оружія всю Палестину, откуда десять лѣтъ тому назадъ былъ выгнанъ печальный рыцарь Св. Дѣвы Маріи.

Умудренный опытомъ прошлаго, Лойола не хотѣлъ снова терять учениковъ-союзниковъ и рѣшился торжественно закрѣпить ихъ, убѣдившись, что вся эта молодежь религіозна и совѣстлива. Съ этой цѣлью, по его приглашенію, всѣ семеро собрались 15 августа 1534 г. въ одномъ изъ подземелій Монмартра, въ которомъ, по преданію, былъ замученъ 9 октября 272 г. первый епископъ парижскій, св. Діонисій, съ товарищами Рустикомъ и Элевверіемъ. Въ день Успенія Богородицы Лефевръ, въ качествѣ священника, отслужилъ обѣдню и затѣмъ всѣ поочередно дали передъ алтаремъ обѣтъ цѣломудрія и вѣчной бѣдности; кромѣ того общались по окончаніи ученья ѣхать миссіонерами въ Палестину; если же это окажется невозможнымъ почему-нибудь, то явиться въ Римъ, дать папѣ клятву безусловнаго повиновенія и отдаться въ его полное распоряженіе. Относясь серьезно къ принятымъ на себя обязательствамъ, Ксавье, Сальмеронъ и Лайнесъ заговорили о необходимости ѣхать въ Испанію для ликвидаціи своихъ имуществъ, такъ какъ трудно было предрѣшать заравѣе, кто изъ нихъ и когда вернется изъ Палестины, да еще и вернется ли. Но верховный глава новаго

союза не хотѣлъ отпускать ихъ на родину, откуда они могли и не вернуться, а потому, послѣ зрѣлаго обсужденія, рѣшено было, что вмѣсто нихъ поѣдетъ самъ Лойола и устроитъ всѣ дѣла; духовное же братство, на время его отсутствія, останется подъ руководствомъ Лефевра, которому Лойола довѣрялъ больше, чѣмъ остальнымъ. Кромѣ того всѣ согласились ожидать Лойолу не въ Парижѣ, а въ Венеціи, куда слѣдовало собраться къ 25 января 1537 г., чтобы затѣмъ немедленно отправиться моремъ къ берегамъ Сиріи. Покончивъ всѣ эти дѣла, Лойола бросилъ ученью доминиканцевъ и, снабженный полномочіями товарищей, уѣхалъ изъ Парижа 25 января 1535 г. на родину.

Въ жизни Лойолы наступилъ для біографа новый пробѣлъ, такъ какъ нѣтъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, что онъ дѣлалъ въ продолженіи двухъ лѣтъ, оставаясь въ Испаніи. Не въ мѣру усердные біографы его, іезуиты Рибаденейра, Маффеи и Бугуръ, рассказываютъ, что это было вполне триумфальное шествіе будущаго святого. Лишь только онъ вѣхалъ въ Гвипускоа, его встрѣтили чуть не крестнымъ ходомъ жители Ацпетин, имѣя во главѣ Бельтрама Лопеца, племянника Лойолы и старшаго представителя дома Лопецовъ въ то время. Прибывъ въ Гвипускоа, Лойола повидался со своими братьями, которые конечно принялись уговаривать его бросить свое ханжество и сдѣлаться достойнымъ своего имени гидальго, но Лойола остался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи и не захотѣлъ даже жить въ замкѣ Лойолѣ, а поселился временно въ близъ лежащемъ городкѣ Ацпетія, въ пріютѣ для бѣдныхъ. Тутъ онъ со всѣмъ жаромъ принялся за проповѣди противъ распущенности, маловѣрія и безнравственности. Успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія, и имя Лойолы приобрѣло громкую извѣстность; многихъ онъ спасъ отъ грѣха, даже подѣйствовалъ на облѣнившееся мѣстное духовенство и, такъ сказать, подтянулъ его къ болѣе ревностному исполненію своихъ обязанностей. Присоединяя къ словамъ поступки, Лойола роздалъ бѣднымъ свое имущество, которое, какъ надо полагать, досталось ему по смерти родителей; раздача эта состоялась въ видѣ милостыни просящимъ бѣднымъ и въ видѣ небольшихъ пенсій стыдящимся просить. Кромѣ того, добавляютъ біографы-іезуиты, Лойола установилъ чтеніе молитвы «Angelus», принятой впоследствии всей

католической церковью. Совершивъ все это на родинѣ, Лойола поѣхалъ въ Пампелуну, Алмацанъ, Толедо и Сигвенцу ликвидировать дѣла товарищей, а покончивъ съ этимъ, прямо выѣхалъ въ Венецію, куда прибылъ въ концѣ декабря 1536 года.

Насколько въ этомъ разсказѣ правды и лжи, рѣшить въ настоящее время затруднительно. Во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ странно, что Лойола, сжигаемый нетерпѣніемъ осуществить давно дѣлаемую мысль—создать духовное братство для борьбы съ врагами церкви, рѣшился праздно слоняться слишкомъ полтора года по деревнямъ Гвипускоа. Очевидно, что цѣль поѣздки въ Испанію у Лойолы была гораздо серьезнѣе. Во-первыхъ, біографы сами проговариваются, упоминая объ имуществѣ. Какъ Лойола ни проповѣдывалъ усердно о безкорыстїи и вѣчной бѣдности, но вся дѣятельность его, а особенно дальнѣйшая, указываетъ, что онъ былъ не прочь отъ земного богатства. Тѣмъ болѣе, освободившись за десять слишкомъ лѣтъ отъ психонатического изувѣрства и фанатизма, хотя онъ носилъ маску того и другого, практически оцѣнившій значеніе денегъ, Лойола не могъ наканунѣ осуществленія своей идеи оставаться нищимъ. Вѣроятно еще въ Парижѣ онъ узналъ о выпавшемъ на его долю наслѣдствѣ, а потому и поспѣшилъ явиться лично, чтобы свести счеты съ братьями. Во-вторыхъ, Лойола лично извѣдалъ на личномъ опытѣ силу и власть инквизиціи, сосредоточенной съ 1232 г. въ рукахъ доминиканцевъ; зная, что его и въ Италїи, и въ Палестинѣ могутъ обвинить въ ереси, предусмотрительный васконъ могъ вступить въ переговоры съ инквизиціонными судилищами въ Алкалѣ и Саламанкѣ, чтобы заручиться своевременно оправдательными документами отъ лицъ, судившихъ студента Лопецъ-де-Рекальде. Въ-третьихъ, надо съ большимъ вѣроятїемъ допустить, что въ Испанїи жилъ тотъ неизвѣстный покровитель и вдохновитель, съ которымъ Лойола сошелся во время путешествія изъ Саламанки въ Парижъ и который сумѣлъ изъ безпокойно-метавшагося психопата возстановить лукаваго васкона.

Какъ бы то ни было, въ концѣ декабря 1536 г. Лойола поселился въ Венеціи ожидать товарищей. Между тѣмъ оставшіяся въ Парижѣ кружокъ не терялъ времени напрасно. Кроткій и симпатичный Лефевръ сумѣлъ привлечь къ союзу еще трехъ

членовъ: своего земляка ле-Жэ, родомъ изъ Аннеси въ Савойѣ; Кодюра, родившагося въ Эмбрюнѣ, небольшомъ городкѣ въ Дофинѣ; и Бруэ, пикардійца изъ Бретанкура возлѣ Аміена. Когда учившіеся члены маленькой общины окончили курсъ наукъ, то всѣ девять отправились, согласно уговору, въ Венецію, избравъ для этого кружный путь черезъ Германію, чтобы испытать свои силы въ словесной борьбѣ съ лютеранами и другими, отпавшими отъ католической церкви. Въ это время враги папы и католицизма держали голову очень высоко, такъ какъ протестантскіе князья силою оружія принудили императора Карла V признать за ними всѣ права гражданства, не смотря на отпаденіе отъ Рима. Понятно, что въ упоеніи своей побѣды половина Германіи принялась съ горячностью судить и рядить о религіи и догматахъ, хотя многіе изъ разсуждающихъ были недоучками и даже прямо неучами. Нѣтъ ничего удивительнаго, что небольшая кучка, во главѣ которой стоялъ Лефевръ, проходя по Германіи, часто имѣла блестящій успѣхъ въ спорахъ по религіознымъ вопросамъ съ тяжеловѣсными нѣмцами, сбиваемыми съ позиціи искусной діалектикой и пламеннымъ краснорѣчіемъ. Слава о духовныхъ ратоборцахъ достигла до императора, а отъ него было сообщено его уполномоченному при ватиканскомъ дворѣ, Ортицу, такъ какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что студенты-богословы направляются въ Италію. Дѣйствительно, пройдя Бургундію, Ваденъ, Вюртембергъ, Баварію, Зальдбургъ, Тироль, 8 января 1537 г. ядро и фундаментъ будущаго ордена іезуитовъ прибыли въ Венецію, гдѣ почтительно привѣтствовали своего владыку Лойола.

V. Павелъ III и его кардиналы.

Эпоха, когда Лойола сошелся съ товарищами въ Венеціи, была очень замѣчательна. Въ первой главѣ мы упоминали, что Мартинъ Лютеръ нанесъ страшный ударъ власти римскаго папы надъ христіанскимъ міромъ, наглядно доказавъ, что можно быть хорошимъ христіаниномъ и не признавать папу абсолютнымъ владыкою надъ душою и совѣстью каждаго. Съ тѣхъ поръ прошло

20 лѣтъ, и заразителный примѣръ Лютера вызвалъ появленіе сотни религіозныхъ реформаторовъ, благодаря которымъ престоль римскаго первосвященника заколебался въ своемъ основаніи. У намѣстника Иисуса Христа отняли Англію, Швейцарію, Палатинатъ, Франконію, Гессенъ, Бранденбургъ, Данію и Швецію съ Норвегією; но этого было мало: идеи преобразователей католицизма стали находить доступъ въ Пьемонтѣ, Савойѣ, въ долинахъ Альпійскихъ горъ, на берегахъ Рейна, во Франціи и даже въ Польшѣ. Олеронскій епископъ Руссель подготовлялъ Наварру къ отпаденію отъ Рима, пользуясь покровительствомъ королевы Маргариты, которая въ своей столицѣ Неракѣ открыто принимала Кальвина, подъ предлогомъ примиренія его съ Римомъ. Въ самой Италіи дѣла были плохи, такъ какъ даже феррарская герцогиня Ренэ, кузина Маргариты Наваррской, училась богословію у того же Кальвина: отважные новаторы разсыпались по всему полуострову, постепенно охватывая кольцомъ вѣчный городъ, и даже появлялись въ его церквахъ. Во всемъ этомъ анти-католическомъ движеніи народъ, еще не пріученный къ самостоятельности и собственному почину, шелъ покорно по слѣдамъ своихъ правителей, которые давали тонъ и направленіе борьбѣ противъ папскаго абсолютизма, громко указывая всѣ грѣхи римской курии. Положеніе папы становилось крайне печальнымъ, онъ терялъ подъ ногами почву и не зналъ, за чтó ухватиться для спасенія своего престола; всѣ средства, считавшіяся прежде неотразимыми, были перепробованы и оказались безсильными помочь горю.

На римскомъ престолѣ въ это время былъ Павелъ III изъ дома Фарнезе. Добродушный и недалекій, онъ додумался однако до смѣлой рѣшимости заглянуть въ пропасть, куда начинало скользить католичество, и съ этой цѣлью назначилъ особую верховную комиссію, которой поручилъ разслѣдовать и донести ему о причинахъ упадка вѣры, а также о мѣрахъ, которыя, по мнѣнію комиссіи, слѣдовало принять для исправленія совершающагося зла. Въ эту комиссію вошли: кардиналы Караффа, Контарини, Садолетъ и Поль, кромѣ того: салернскій архіепископъ Фрегозо, бриндизскій архіепископъ Алессандреи, веронскій епископъ Джизарто, аббатъ венеціанскаго монастыря св. Георгія Кортези и доминиканецъ Бадіа. Перечисленные лица, образованнѣйшія и

преданнѣйшія римскому престолу въ ту эпоху, выполнили возложенную на нихъ щекотливую задачу съ величайшей добросовѣстностью и составили обширную докладную записку, въ которой изобразили дѣйствительное положеніе папской столицы. Картина, набросанная ими, превзошла своими мрачными красками все, что когда либо осмѣливались говорить лютеране, кальвинисты, англикане, реформаты, цвинглиане и другіе враги католической церкви. Павелъ III ужаснулся, читая одно перечисленіе двадцати восьми главнѣйшихъ золь, превращавшихъ Римъ въ разнуданный лагерь тунеядцевъ, развратниковъ и преступниковъ; одно перечисленіе самыхъ необходимыхъ, по мнѣнію комиссіи, мѣропріятій для поддержанія престола св. апостола Петра давало ясное понятіе о томъ, что дѣлалось среди близорукаго католическаго духовенства въ первой половинѣ XVI столѣтія. Требовалось слѣдующее: суровая цензура надъ позорнымъ поведеніемъ монаховъ; старательное искорененіе предразсудковъ, поддерживаемыхъ и усиливаемыхъ монастырями; обязательное прекращеніе развращающей весь причтъ симоніи или торговли церковными должностями; освобожденіе духовенства отъ обѣтовъ безбрачія, такъ какъ внѣ-брачное сожительство сдѣлалось вполне обыденнымъ явленіемъ и зачастую видѣли епископовъ, у которыхъ отецъ и дѣдъ, а иногда мать и бабка, были прелатами и князьями церкви; коренное измѣненіе духа и направленія университетскаго преподаванія, подрывавшаго въ корень авторитетъ церкви; запрещеніе торгашескаго произвола при продажѣ отпустительныхъ грамотъ или индульгенцій; назначеніе священникамъ и капелланамъ опредѣленнаго жалованья, для уничтоженія ихъ алчнаго лихоимства и мздоимства. Вникнувъ серьезно въ содержаніе докладной записки, Павелъ III испугался громадности задуманной реформы и, по обычаю многихъ своихъ предшественниковъ, отложилъ дѣло въ долгій ящикъ, передавъ историческій документъ комиссіи на храненіе въ ватиканскій архивъ, гдѣ онъ лежитъ до сихъ поръ.

Въ это-то тревожное для католической церкви время Лойола поселился въ Венеціи, ожидая товарищей. Видъ республиканскаго и торговаго города напомнилъ ему минувшіе годы, когда онъ ѣздилъ въ Іерусалимъ, и ему очень не хотѣлось предпринимать

поѣздки въ Святую землю, гдѣ гордаго и самолюбиваго васкона могли опять встрѣтить униженія и оскорбленія. Въ концѣ концовъ онъ рѣшился не ѣздить туда. Когда прибылъ Лефевръ съ товарищами, Лойола представилъ имъ трехъ новыхъ сочленовъ, завербованныхъ въ самой Венеціи его стараніями; это были: два зажиточныхъ брата изъ испанской Наварры, Эстебанъ и Хаимъ Эгвіа, и талантливый богословъ Госоць, родомъ андалузецъ изъ полу-мавританской Малаги. На разспросы прибывшихъ, Лойола разсказалъ, что, покончивъ дѣла въ Испаніи, онъ заѣхалъ почему-то въ Валенцію, оттуда на корабль достигъ Генуи, а затѣмъ пѣшкомъ, побираясь Христовымъ именемъ, пошелъ на мѣсто свиданія; такъ какъ подаенія были очень скудны, то очень часто приходилось Лойолѣ голодать, а подѣ Болоньею онъ едва не умеръ отъ истощенія. Трудно вѣрится этому разсказу, такъ какъ извѣстно, что у Лойолы были въ это время значительныя деньги, собранныя съ собственнаго наслѣдства и послѣ ликвидаціи имущества Ксавье, Лайнеса и Сальмерона. На вопросъ товарищей, когда же они отправятся въ Палестину, онъ уклончиво объяснилъ, что теперь зима, и потому переѣздъ можетъ быть крайне тяжелымъ, а лучше всего обождать до весны, то есть марта и апрѣля. Вслѣдъ затѣмъ Лойола предложилъ членамъ братства не терять даромъ времени, а принять на себя уходъ за больными въ госпиталяхъ св. Іоанна, св. Павла и для неизлечимыхъ; тѣ послѣдовали безропотно этому приказанію и усердно взялись за дѣло, причемъ больше всѣхъ прославился Ксавье. Оставшись одинъ, Лойола принялся исправлять и наставлять въ дѣлахъ вѣры венеціанцевъ, когда-то осмѣявшихъ его.

Такое специальное занятіе для свѣтскаго человѣка не могло остаться безнаказаннымъ. Встревоженные вторженіемъ какого-то иностранца въ ихъ область, венеціанскіе священники ополчились противъ Лойолы и привлекли его къ отвѣту передъ духовнымъ судомъ. Однако глава зарождающейся новой общины не былъ уже тѣмъ наивнымъ рыцаремъ Св. Дѣвы, который заставлялъ смѣяться судей надъ своими выходками; онъ быстро сообразилъ шансы борьбы и тайно вступилъ въ переговоры съ архіепископомъ театинскимъ Караффою. Въ чемъ состояли эти переговоры, осталось тайною, но только талантливый и образован-

ный Караффа принялъ сторону васконскаго гидальго противъ венеціанскихъ священниковъ и въ этомъ смыслѣ подѣйствовалъ на папскаго нунція при республикѣ, Вералли, который предсѣдательствовалъ въ судѣ. Когда наступилъ день разбирательства, священники просили запретить Лойолѣ поучать въ ихъ приходяхъ, чѣмъ болѣе, что онъ — не духовное лицо и кромѣ того отъявленный еретикъ, съ позоромъ уже изгнанный изъ Франціи и Испаніи. Обвиняемый представилъ свои объясненія, Караффа официально подтвердилъ ихъ, и Вералли торжественно произнесъ оправдательный приговоръ; Лойола вышелъ изъ суда съ гордо поднятой головой. Вскорѣ затѣмъ Караффа, основавшій незадолго на средства графа Гаэтано Тини орденъ театинцевъ или «настоящихъ клириковъ», въ видахъ исправленія приходскаго духовенства, началъ убѣждать Лойолу поступить со всѣми его товарищами во вновь учрежденный орденъ, такъ какъ ихъ цѣли казались одинаковыми. Но Лойола самъ желалъ основать орденъ, въ которомъ онъ былъ бы полнымъ хозяиномъ, а потому отвѣтилъ архіепископу рѣшительнымъ отказомъ. Дружба съ прелатомъ кончилась, но Караффу вскорѣ вызвали въ Римъ, сдѣлали кардиналомъ и назначили въ комиссію, о которой было говорено раньше; поэтому размолвка его съ Лойолою кончилась пока ничѣмъ.

Подошла весна и члены кружка снова заговорили о поѣздкѣ въ Іерусалимъ. Зная черезъ Караффу, что на морѣ вскорѣ возгорится серьезная война противъ мусульмамъ и слѣдовательно переѣздъ будетъ невыносимъ, Лойола не противорѣчилъ, но доказалъ на общемъ собраніи, что безъ благословенія святѣйшаго отца предпріятіе невозможно, иначе въ Палестинѣ имъ будутъ мѣшать на каждомъ шагѣ. Съ такими доводами пришлось согласиться и сообща постановили командировать въ Римъ Лефевра и Ксавье за благословеніемъ всей общинѣ и за разрѣшеніемъ рукоположенія въ священники свѣтскимъ членамъ этой общины. Самъ Лойола побаивался ѣхать въ Римъ, не зная, какъ отнесется къ нему кардиналъ Караффа. Посланцы прибыли въ вѣчный городъ и обратились за содѣйствіемъ къ имперскому уполномоченному Ортиду, котораго Лефевръ зналъ лично. Ортида принялъ ихъ очень ласково и выхлопоталъ имъ аудіенцію у Павла III, рассказавъ ему вѣроятно о подвигахъ Лефевра съ товарищами въ Германіи.

Первосвященникъ принялъ Лефевра и Ксавье благосклонно, благословилъ ихъ на миссіонерскій трудъ въ Палестинѣ, подарилъ имъ на дорогу 60 дукатовъ и разрѣшилъ принять рукоположеніе у любого епископа. Вполнѣ довольные посланцы стали собирать деньги на дорогу, преимущественно среди испанскихъ купцовъ, живущихъ въ Римѣ, набрали около 150 дукатовъ и радостно возвратились въ Венецію къ Лойолѣ.

Рѣшено было безъ замедленія всѣмъ принять священническій санъ, кромѣ Лефевра и Лайнеса, которые были рукоположены еще во Франціи. Однако сдѣлавшійся подозрительнымъ Лойола не хотѣлъ обращаться къ подчиненнымъ Караффѣ епископамъ и воспользовался прїѣздомъ въ Венецію арабскаго епископа изъ Далмаціи; тотъ немедленно согласился, и 24 іюня 1537 г. состоялось торжественное рукоположеніе въ священники самого Лойолы, Ксавье, Сальмерона, Бобадильи, Родригеца, ле-Жэ, Кодюра, Бруэ, Госоца и братьевъ Эгвіа. Тринадцать священниковъ, связанныхъ между собою клятвою въ монмартрскомъ подземельи, были готовы ѣхать въ Обѣтованную Землю проповѣдывать сарацинамъ ученіе Христа, но въ это время наступательный союзъ папы, венеціанскаго дожа и Карла V былъ формально заключенъ, и турецкому султану была объявлена война. Хитрость Лойолы удалась, такъ какъ пассажирское сообщеніе съ Азіею было прекращено и нежелательная для него поѣздка отлагалась на неопредѣленное время. Тогда Лойола предложилъ разсѣяться по всей Италіи для вербовки новыхъ членовъ, а затѣмъ, выбравъ удобное время, отправиться въ Римъ и исполнить вторую часть монмартрскаго договора, то есть поступить въ полное распоряженіе папы. Въ скоромъ времени послѣдователи Лойолы появились въ Виченцо, Тревизо, Бассано, Падуѣ, Веронѣ и другихъ городахъ, проповѣдуя противъ ересей, волнующихъ католическій міръ, противъ распущенности духовенства, противъ индифферентизма свѣтскихъ лицъ и вербуя въ то-же время новыхъ сочленовъ въ свой кружокъ.

Самъ Лойола, въ силу своихъ тайныхъ соображеній, избралъ мѣстопробываніемъ Альбанетту, расположенную подъ стѣнами вѣббатства Монте-Бассино въ области Терра-ди-Лаворо, принадлежащей къ Неаполитанскому королевству. Съ этихъ поръ быв-

шій товарищъ превращается въ полновластнаго владыку и начинаетъ поступать, какъ подобало генералу будущаго всемірнаго ордена; всѣми способами, бывшими въ его распоряженіи, онъ старается внушить прежнимъ товарищамъ, что только онъ одинъ пользуется благоволеніемъ свыше, онъ одинъ обладаетъ даромъ предвѣдѣнія и только ему Богъ открываетъ свои тайныя намѣренія. Когда передъ разлукою въ Венеціи захандрившій Родригецъ задумалъ уйти изъ кружка, но не говорилъ объ этомъ никому, Лойола какъ-то провѣдалъ его тайну, но молча уѣхалъ въ Альбанетту. Родригецъ собрался уѣхать изъ Венеціи, но вдругъ ему явился невѣдомый исполинъ съ мечомъ въ рукѣ и именемъ Бога запретилъ ему покидать ряды лойоловой дружины; напуганный страшнымъ ночнымъ посѣщеніемъ, невѣжественный Родригецъ покорно сдался, а Лойола изъ Альбанетты немедленно извѣстилъ объ этомъ чудѣ остальныхъ. Затѣмъ Лойола чрезъ откровеніе свыше узналъ и заявилъ окружающимъ, что въ ту минуту скончался въ отдаленной Падуѣ Госоцъ, душа котораго явилась къ Лойолѣ передъ отлетомъ на небо. При этомъ совершилось новое чудо. Госоцъ, трудившійся съ Кодиоромъ въ Падуѣ, отличался темно-кожимъ цвѣтомъ лица и былъ очень безобразенъ собою; послѣ же смерти лицо его просвѣтлѣло, и онъ сдѣлался поразительнымъ красавцемъ. Такими проявленіями своего неземнаго могущества Лойола дѣйствовалъ на религіозно-суевѣрныхъ сочленовъ и убѣждалъ ихъ, что его предпріятіе находится подъ специальнымъ покровительствомъ Іисуса Христа и Св. Дѣвы. Тѣмъ не менѣе, по внѣшности, Лойола оставался по-прежнему тихимъ, мягкимъ, ласковымъ и скромнымъ въ костюмѣ и привычкахъ; въ случаѣ надобности только обнаруживалъ сильную непреклонную стойкость и пламенное краснорѣчіе.

Такъ провела «боевая дружина», какъ ее называлъ самъ Лойола, вторую половину 1537 г. и большую половину 1538 г. Проповѣдывая усердно противъ ересей и заблужденій, члены дружины громко заявляли всѣмъ: «Мы соединились подъ знаменемъ Іисуса Христа, чтобы бороться съ ересями и пороками, поэтому мы образуемъ товарищество Іисуса». Итальянцы привыкли такимъ образомъ видѣть во главѣ духовныхъ борцовъ за чистоту вѣры товарищество Іисуса. Къ нимъ присоединился, на мѣсто

умершаго Госоца, первый итальянецъ, по имени Страда, составившій уже себѣ имя ораторскимъ талантомъ. Чѣмъ занимался все это время глава дружины, остается неизвѣстнымъ, хотя онъ конечно постоянно слѣдилъ и руководилъ дѣйствіями сочленовъ, направлялъ ихъ въ ту или другую сторону, — словомъ, вырабатывалъ изъ нихъ достойныхъ представителей будущаго ордена іезуитовъ. Только осенью нашелъ Лойола умѣстнымъ отправиться въ Римъ и для этого вызвалъ къ себѣ Лефевра и Лайнеса, а остальнымъ предписалъ также явиться въ Римъ, но нѣсколько позднѣе. Чтобы поддержать мужество и энергію въ Лефеврѣ и Лайнесѣ, своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, Лойола прибѣгнулъ опять къ чудесамъ. Не доходя милей двухъ до Рима изъ Альбанетты, они остановились въ ла-Сторта, небольшомъ селеніи, на выѣздѣ котораго стояла полуразвалившаяся часовня. По своему обыкновенію Лойола забрался въ часовню, чтобы помолиться и поручить себя и нарождающееся общество милосердію Бога; долго пробылъ онъ тамъ, такъ что товарищи стали беспокоиться; наконецъ Лойола вышелъ съ сіяющимъ, вдохновеннымъ лицомъ и объявилъ, что онъ сейчасъ удостоился разговаривать съ Богомъ. Богъ явился ему съ своимъ Сыномъ и поручилъ послѣднему покровительствовать новому товариществу и его старшинѣ; согбенный подъ тяжестью креста, Спаситель кротко принялъ изъявленія преданности со стороны Лойолы и мягко произнесъ: «Romae tibi propitius ego», то есть: «Въ Римѣ я буду благопріятствовать тебѣ». Ободренные такимъ небеснымъ явленіемъ, спутники, съ вѣрою въ успѣхъ задуманнаго предпріятія, вошли въ октябрѣ 1538 г. въ вѣчный городъ.

При содѣйствіи того же Ортицы странники скоро получили аудіенцію у Павла III, который принялъ ихъ благосклонно, будучи польщенъ покорностью людей, уже приобрѣвшихъ себѣ нѣкоторую извѣстность. Лойола выразилъ желаніе создать духовный орденъ, члены котораго имѣли бы своею задачею обходить весь свѣтъ, поражать дурныхъ людей словеснымъ мечомъ, исправлять возникающее зло, разрушать дьявольскія навожденія и стараться всѣми силами возратить католической церкви ея блескъ и величіе. Папѣ понравилась мысль, и онъ обѣщаль подумать, такъ какъ въ принципѣ онъ всегда былъ противъ учрежденія

новыхъ духовныхъ орденовъ, сознавая всю ихъ бесполезность и даже вредъ для церкви. На время же Павелъ III предложилъ Лефевру и Лайнесу поступить въ университетъ ла-Саленца въ качествѣ преподавателей: первый — священнаго писанія, а второй — схоластики. Что касается Лойолы, то онъ самъ вызвался исправлять нравы римлянъ; папа согласился на это, поручая ему раздѣлить этотъ трудъ съ театинцами Караффы, вызванными уже съ это цѣлью изъ Венеціи. Довольный результатами аудіенціи, Лойола поселился въ домѣ испанскаго гидальго Гарцоніо и приступилъ къ исправленію римскихъ нравовъ. Онъ неутомимо носѣщалъ церкви, хотя чаще всего былъ въ церкви Богоматери монтецерратской, поучалъ по кастильски народъ и обличалъ еретиковъ въ самой рѣзкой и безпощадной формѣ. Постепенно стали подходить «дружинники» изъ разныхъ городовъ и Лойола распределялъ между ними городскіе участки, въ предѣлахъ которыхъ тѣ занимались также исправленіемъ нравовъ и обличеніемъ еретиковъ. О нихъ заговорили въ Римѣ и заговорили съ уваженіемъ, какъ о безупречныхъ людяхъ.

Въ Римѣ славился въ это время проповѣдникъ Аостино, родомъ изъ Пьемонта, монахъ ордена августиновъ, привлекавшій многочисленную толпу благочестивыхъ слушателей. Лойола возсталъ противъ этого лукаваго и снисходительнаго проповѣдника, доказывая, что онъ, подъ маскою ложнаго усердія къ престолу св. Петра, сѣетъ въ народѣ ересь Кальвина. Задѣтый Аостино сталъ возражать и между ними возгорѣлся отчаянный словесный поединокъ, окончившійся черезъ нѣкоторое время полною побѣдою Лойолы. Тогда униженный августинецъ сдѣлалъ доносъ властямъ, указывая, что самъ Лойола — еретикъ, осужденный инквизиционными судами въ Алкала-де-Генаресѣ, Парижѣ и Венеціи, гдѣ его восковое изображеніе было предано сожженію, такъ какъ самъ виновный спасся бѣгствомъ. Этотъ доносъ скоро сдѣлался извѣстенъ по всему городу, и Лойола потерялъ то уваженіе и обаяніе, какими онъ пользовался до сихъ поръ. Глубоко оскорбленный въ своей гордости, Лойола обратился къ бертинорійскому епископу Конверсини, исправлявшему должность римскаго губернатора, съ просьбою ускорить по возможности судопроизводство. Папы въ это время не было въ Римѣ; онъ находился въ Ниццѣ, гдѣ ста-

рался помирить германскаго императора съ французскимъ королемъ. Конверсини, зная, что Лойола пользуется благосклонностью Павла III, исполнилъ его желаніе и окончилъ слѣдствіе довольно быстро. Доносъ не подтвердился, а находящіеся почему-то въ Римѣ инквизиторы Фигвероа, Фріасъ и Ори, а также легатъ въ Венеціи Вералли, лично подтвердили на судѣ, что Лойола былъ оправданъ ими. Судъ торжественно оправдалъ обвиняемаго, и Аостино долженъ былъ спастись бѣгствомъ въ Женеву, гдѣ вскорѣ выступилъ явнымъ врагомъ католицизма.

VI. Учрежденіе товарищества Іисуса.

Между тѣмъ еще въ посту 1539 г. вся «боевая дружина» Лойолы собралась въ римскомъ домѣ гвидальго Гарционіо, гдѣ начались правильныя засѣданія защитниковъ католической религіи. Въ первомъ засѣданіи Лойола сказалъ: «Небо закрыло намъ путь въ Землю Обѣтованную съ тою цѣлью, чтобы отдать намъ весь міръ. Немного насъ теперь для такого дѣла, но мы умножаемъ и начинаемъ формировать батальонъ. Однако никогда отдѣльные члены не окрѣпнутъ въ достаточной степени, если между ними не будетъ общей связи; поэтому намъ необходимо создать уставъ для семьи, собранной здѣсь во имя Бога, и дать не только жизнь новоучреждаемому обществу, но и вѣчность. Помолитесь же всѣ вмѣстѣ, а также и каждый отдѣльно, чтобы воля Господня исполнилась». Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій Лойола подтвердилъ свои гордые слова: «Мы, рыцари, призваны самимъ Богомъ, чтобы духовно покорить весь міръ; поэтому вполне необходимо, чтобы наше товарищество образовало боевую дружину, способную просуществовать до конца міра. Сомнѣваться же въ вѣчности мы не имѣемъ права, потому что она формально обѣщана намъ Господомъ Богомъ и Іисусомъ Христомъ». Единогласно было рѣшено въ засѣданіи побудить папу дать согласіе на учрежденіе ихъ товарищества, не смотря на то, что Павелъ III

былъ вообще противъ духовныхъ орденовъ. При этомъ зашла рѣчь о названіи. «Если вы мнѣ довѣряете,—заявилъ Лойола:— то мы назовемъ наше общество товариществомъ Исуса. Это названіе выше другихъ, и оно внушено мнѣ двукратно свыше: въ моемъ манрескомъ убѣжищѣ и въ послѣднемъ видѣніи близъ Рима, когда Предвѣчный Отецъ сдѣлалъ меня товарищемъ Своего Сына (*quando el Padre Eterno me puso con su Hijo*). Поэтому, дорогие братья, не ищите другого названія». Изъ этихъ рѣчей становится очевиднымъ, что въ альбанетскомъ убѣжищѣ Лойола выработалъ не спѣша и обдуманно полную программу своихъ будущихъ дѣйствій.

Приближалась суровая и безпощадная зима 1539 г., долго остававшаяся въ памяти римлянъ по своимъ послѣдствіямъ: начался голодъ и бѣдняки десятками замерзали на улицахъ и площадяхъ. Въ это-то время выступилъ полу-забытый и обѣгаемый со времени процесса Аостино нищій проповѣдникъ Лойола. Онъ понялъ, что наступилъ удобный моментъ вернуть необходимыя ему симпатіи жителей Рима, и не пожалѣлъ для этого накопленныхъ сообща денежныхъ средствъ. Его послѣдователи ходили по всему городу, подбирали замерзающихъ и относили въ домъ Гардоніо, временно превращенный въ обширный пріютъ; здѣсь ихъ отогрѣвали, кормили, поили, давали одежду и небольшія суммы денегъ. Затѣмъ, въ свободныя минуты обходили дома богачей и собирали щедрое подаваніе во имя голодающихъ; такимъ образомъ весь Римъ зналъ, чѣмъ занимается общество Лойолы. Не мудрено, что по окончаніи бѣдствія, уже весною 1540 г., благодарность народа не знала границъ, и всѣ подозрѣнія въ ереси, возникшія еще при Аостино, разсѣялись безслѣдно.

Политическія затрудненія продолжали удерживать Павла III въ Ниццѣ, а потому, чтобы не терять безполезно времени, Лойола составилъ сжатый проэктъ устава будущаго общества и черезъ кардинала Контарини отослалъ его въ собственныя руки папы. Послѣдній прочелъ внимательно проэктъ и радостно воскликнулъ: «Здѣсь виденъ перстъ Божій!» Дѣло въ томъ, что, кромѣ трехъ обычныхъ монашескихъ обѣтовъ, въ проэктѣ былъ помѣщенъ четвертый: «Посвятить свою жизнь постоянному служенію Христу и папѣ, исполнять военную службу подъ знаменемъ

престола, служить только Иисусу и римскому первосвященнику, какъ его земному намѣстнику; такимъ образомъ только настоящій папа и его преемники будутъ повелѣвать орденомъ въ дѣлахъ спасенія душъ и распространенія вѣры, и въ какія бы онѣ страны для этого ихъ ни посылалъ, они, безъ малѣйшаго замедленія и безъ всякихъ отговорокъ, на сколько только позволяютъ имъ силы, обязаны немедленно исполнять». Папа понялъ, что онъ пріобрѣтаетъ могущественнаго союзника для борьбы съ врагами его престола. Не желая однако рѣшать такого важнаго дѣла единолично, Павелъ III переслалъ проэктъ на разсмотрѣнiе лучшему богослову и канонисту, кардиналу Гвидиччioni, самъ же нашелъ цѣлесообразнымъ испытать на дѣлѣ силы новаго общества. Съ этою цѣлью, для борьбы съ ересями и религіозными новшествами, Лайнесъ и Лефевръ были посланы съ кардиналомъ Филонарди въ Парму, Бобадилья—на островъ Искію, де-Жэ—въ Бресція, Кодуръ—въ Падуу, Вруэ и Страда—въ Сиенну, Ксавье и Родригезъ—въ Лиссабонъ. Во всѣхъ названныхъ городахъ порученія Павла III были исполнены въ высшей степени удачно, и общее вниманіе обратилось на этихъ даровитыхъ и пока вполнѣ скромныхъ слугъ папскаго престола. Лойола же съ Сальмерономъ и братьями Эгвіа оставался въ Римѣ, гдѣ продолжалъ пріобрѣтать симпатіи жителей и очищать столицу отъ свободомыслія.

Прозектъ устава между тѣмъ сѣлъ на мель. Кардиналъ Гвидиччioni, суровый юристъ, придерживающійся буквы закона, отказался даже просмотрѣть присланный папою проэктъ, опираясь на постановленія латеранскаго и ліонскаго соборовъ, состоявшихся въ 1215 г. при Иннокентіи III и въ 1274 г. при Григоріи X, которыми прямо воспрещалось учрежденіе новыхъ орденовъ. Однако Лойола не унывалъ, извѣщаемый своевременно многочисленными друзьями, которыхъ онъ сумѣлъ пріобрѣсти повсюду, о томъ, что дѣлается противъ него и за него. Какія средства были употреблены, чтобы повліять на строгаго кардинала, осталось неизвѣстнымъ; явно же Лойола ничего не предпринималъ; онъ только молился, чтобы Богъ вразумилъ Гвидиччioni. Наконецъ онъ торжественно обѣщалъ отслужить три тысячи обѣдней, а на кардинала вдругъ снизошло наптіе свыше: неожиданно для всѣхъ, онъ тщательно прочелъ проэктъ и нашелъ его превосход-

нымъ; два другіе кардинала, составившіе съ нимъ комиссію по волѣ папы, немедленно согласились съ его авторитетнымъ мнѣніемъ, и судьба Лойолы была рѣшена.

Возвратившійся изъ Ниццы Павелъ III, которому удалось хотя на время примирить Карла V съ Францискомъ I, былъ очень доволенъ согласіемъ кардинальской комиссіи. 27 сентября 1540 г. была подписана булла «Regimine militandis ecclesiae», которою учреждалось «товарищество Иисуса» или «орденъ іезуитовъ». Въ этой довольно пространной буллѣ сказано между прочимъ: «Товарищество или общество Иисуса состоитъ изъ тѣхъ, которые во имя Бога желаютъ быть вооруженными подъ знаменемъ креста и служить единому Господу и первосвященнику римскому. Его викарію на землѣ. Принятые въ товарищество должны дать обѣтъ цѣломудрія, бѣдности, послушанія генералу ордена и повиновенія правящему церковью папѣ. Генераль ордена неограниченъ въ своей власти, но онъ обязанъ составить конституцію или уставъ общества съ согласія большинства сочленовъ, въ управленіи же дѣлами товарищества ему предоставляется полная свобода. Число членовъ товарищества не должно превышать шестидесяти». Одна уже эта выдержка даетъ полное право предположить, что черновую этой буллы составлялъ гибкій и изворотливый Лайнесъ подъ диктовку Лойолы, такъ-таки и не выучившагося излагать свои мысли по-латыни. Кромѣ того почти въ самомъ началѣ буллы сказано, что Лойола съ товарищами окончили курсъ парижскаго университета; между тѣмъ мы видѣли раньше, что университета Лойола не посѣщалъ вовсе и даже не окончилъ курса въ доминиканской коллегіи. Употреблено ли это выраженіе такъ себѣ, для большей важности, или вассковскій гидальго представилъ подложный дипломъ, остается для насъ вполнѣ неизвѣстнымъ.

Окончивъ всѣ возложенныя на нихъ порученія, большинство іезуитовъ, какъ мы должны теперь называть сподвижниковъ Лойолы, возвратились въ Римъ, чтобы принять участіе въ радости своего владыки, завѣтная мечта котораго наконецъ осуществилась. Не явились только: Родригезъ, снискавшій въ Лиссабонѣ полное довѣріе португальскаго короля Хуана III и почти неограниченно распоряжавшійся церковными дѣлами Португаліи, и

Ксавье, отправленный, въ качествѣ апостольскаго легата, въ Остѣ-Индію, что всегда составляло его пламенную мечту. Но папа спѣшилъ пользоваться трудами «боевой дружины», овладѣвшей уже его полнымъ довѣріемъ. Вскорѣ послѣ обнародованія буллы Лефеврѣ былъ командированъ съ особымъ порученіемъ въ Испанію, Сальмеронъ и Бруэ отправились въ Ирландію поддержать католиковъ въ борьбѣ съ англійскимъ королемъ Генрихомъ VIII, Бобадилья и де-Жэ были посланы въ Германію бороться съ протестантизмомъ, а Лайнесъ поѣхалъ въ Венецію улаживать какія-то недоразумѣнія. Благодаря ихъ повсемѣстному появленію, въ Европѣ скоро заговорили о іезуитахъ, называя ихъ первое время разными именами: въ венеціанской республикѣ ихъ называли театинцами, по сходству первоначальной дѣятельности съ орденомъ, созданнымъ кардиналомъ Караффою; въ Терра-ди-Лаворо — езуинами; въ Романѣхъ — священниками св. Лучіи, такъ какъ впервые они стали проповѣдывать въ болонской церкви этой святой; въ герцогствѣ феррарскомъ — скофіотти, отъ головного убора; въ Испаніи — иньигистами, въ честь основателя ордена; только во Франціи и въ Римѣ ихъ сразу стали называть іезуитами.

Что касается Лойолы, то онъ тихо и спокойно сидѣлъ въ Римѣ, продолжая воздвигать и укрѣплять новое зданіе, созданное исключительно его заботами и настойчивостью. Наступило время избранія генерала ордена іезуитовъ, и по волѣ Лойолы всѣ его сподвижники вернулись въ домъ Гарцоніо, за исключеніемъ Ксавье, уже уѣзжавшаго въ Остѣ-Индію, и Родригеца, которые прислали свои голоса изъ Лиссабона. Съ молитвою приступили іезуиты къ баллотировкѣ по запискамъ и конечно единогласно избрали Лойолу, который, ни съ того ни съ другого, началъ скромничать, отказываться отъ высокой чести и увѣрять, что такая задача ему не по силамъ. Хитрый гидальго заставилъ еще два раза повторить баллотировку и только тогда, видя въ единодушій бывшихъ товарищей неисповѣдимую волю Божію, согласился принять должность генерала. На страстной недѣлѣ, 17 апрѣля 1544 г., этотъ выборъ былъ утвержденъ Павломъ III, и іезуитамъ оставалось только исполнить еще одну формальность.

22 апрѣля всѣ наличные іезуиты собрались къ обѣднѣ въ церковь св. Павла, расположенную въѣ городскихъ стѣнъ и на-

зывается поэтому *chiesa extramuros*. Обѣдно служилъ впервые генераль ордена, который передъ раздачею причастія громогласно прочелъ буллу, учреждающую орденъ, и затѣмъ всенародно произнесъ обѣты, указанные въ буллѣ. Передъ окончаніемъ же обѣдни Лойола принялъ передъ главнымъ алтаремъ присягу отъ своихъ сочленовъ, причемъ послѣдніе, въ знакъ покорности, цѣловали его руку. Съ этого дня орденъ іезуитовъ официально сталъ существовать и съ первыхъ же дней нарушилъ данный обѣтъ быть бѣднымъ, такъ какъ Пьетро Кодаче, богатый римскій дворянинъ и офицеръ палской гвардіи, давно сдѣлавшійся покорнымъ слугою Лойолы, пожертвовалъ ордену все свое значительное имущество и самъ поступилъ въ іезуиты. Въ эту эпоху, на пятидесятомъ году жизни, Лойола вовсе не былъ похожъ на браваго когда-то офицера Лопеца-де-Рекальде; въ настоящее время это былъ человѣкъ средняго роста, слегка прихрамывающій, лысый, съ лицомъ оливковаго цвѣта, впалыми щеками, большимъ лбомъ, сверкающими и глубоко сидящими глазами; общее выраженіе лица было нѣсколько загадочно-странное: по мнѣнію друзей, на немъ лежалъ отпечатокъ святости; враги же утверждали, что это просто помѣшанный человѣкъ. На самомъ дѣлѣ это былъ упрямый васконъ, задумавшій и создавшій грозную боевую дружину для охраны и защиты католицизма, могучій оплотъ обскурантизма и религіознаго фарисейства.

VII. Уставъ ордена іезуитовъ.

Ни одна конституція европейскаго государства не заставляла такъ много говорить и писать о себѣ, какъ конституція или уставъ ордена іезуитовъ. Ее разбирали по косточкамъ, обсуждали каждую фразу и высказывали самыя разнообразныя сужденія о ея достоинствахъ и недостаткахъ; а изъ этихъ сужденій дѣлали тѣ или другіе выводы о личности автора конституціи, Игнатіи Лойолѣ: одни считали его мировымъ гениемъ, создавшимъ уставъ, выше котораго ничего не было и не будетъ въ человѣческомъ обществѣ; другіе высказывали убѣжденіе, что этотъ уставъ сдѣланъ изъ кусочковъ, сочиненныхъ разными людьми и въ разныхъ

времена, такъ что на долю Лойолы приходится самая ничтожная часть. Причина подобныхъ разногласій кроется въ томъ, что Павель III разрѣшилъ существованіе общества, устава котораго онъ не зналъ, такъ какъ этого устава еще не было. Лойола только началъ составлять уставъ въ половинѣ 1541 г. при содѣйствіи Лайнеса и своего секретаря Паланки, переводившаго съ кастильскаго на латинскій; когда была окончена работа — неизвѣстно; но обвародованъ печатный уставъ былъ послѣ смерти Лойолы, по однимъ свѣдѣніямъ въ 1558 г., а по другимъ — въ 1584 г. Такимъ образомъ, не имѣя передъ собою кастильскаго текста, въ настоящее время невозможно отграничить произведенія Лойолы отъ позднѣйшихъ вставокъ и добавленій его преемниковъ въ должности генерала ордена. Приходится дѣлать это на-угадъ, ощупью, соображаясь съ характеромъ Лойолы, насколько онъ извѣстенъ изъ разнорѣчивыхъ показаній. По нашему мнѣнію, большинство добавокъ въ уставѣ относится къ правамъ и обязанностямъ генерала; остальное, почти цѣликомъ, должно быть приписано исключительно Лойолѣ. Дѣло въ томъ, что, какъ кажется, Лойола схитрилъ передъ папою, увѣряя его, будто онъ приступилъ къ составленію устава только послѣ утвержденія ордена; на самомъ дѣлѣ онъ занялся этимъ трудомъ съ половины 1537 г., тотчасъ по переселеніи въ Альбанетту. Окончивъ работу, онъ не показывалъ ея, а нѣсколько лѣтъ исправлялъ, провѣряя самъ на практикѣ ея хорошія и дурныя стороны. Только такимъ способомъ можно объяснить цѣльность, стройность и живучесть организаціи, существующей до сихъ поръ и создавшей одно время ордену іезуитовъ всемірную монархію.

Видя печальное положеніе католической церкви, поколебленной отпаденіемъ нѣсколькихъ милліоновъ людей почти одновременно, такъ что римскіе первосвященники становились втупикъ, не зная, какъ помочь бѣдѣ, Лойола или самъ додумался, или понялъ изъ докладной записки верховной комиссіи кардиналовъ въ 1537 г., гдѣ находится корень всего зла. Павель III отступилъ передъ исполинской задачей, естественно вытекающей изъ смысла докладной записки: перевоспитать все католическое общество; самолюбивый васконъ отважно и увѣренно привѣлъ эту задачу на себя и началъ приводить ее въ исполненіе такъ умѣло

и послѣдовательно, что, не встрѣчая ордень іезуитовъ стойкаго отпора во Франціи, сѣверной Германіи и Россіи, то легко могло бы случиться, что весь христіанскій міръ сдѣлался бы католическимъ. Система, принятая Лойолою, была очень нехитрая, но въ этой простотѣ и заключалось все ея величіе; придя къ убѣжденію, что воспитаніе и образованіе, даваемое паствѣ безъ строгаго контроля пастыря, ведётъ къ вольнодумству, свободомыслию и неповиновенію, онъ рѣшилъ, что воспитаніе и образованіе должны быть сосредоточены въ однихъ рукахъ, но въ рукахъ надежныхъ. А для того, чтобы ордень іезуитовъ и былъ «этими надежными руками», Лойола создалъ образцовую организацію внутренняго устройства ордена. Такимъ образомъ главной задачей товарищества Іисуса было овладѣть воспитаніемъ и образованіемъ молодежи, преподаваніемъ въ низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, — словомъ, переформировать вполне умственный цензъ христіанскаго міра; поэтому благотворительность во всѣхъ видахъ, миссіонерство среди не-христіанъ, разъясненіе богословскихъ истинъ въ исповѣдальнѣ и съ церковной кафедрой, все это становилось для іезуитовъ второстепенной задачей, на которую они, сравнительно, и не налегали особенно. Не довѣряя такого дѣла папѣ, находящагося силою обстоятельствъ подъ всеобщимъ контролемъ, Лойола создалъ независимаго отъ него владыку, «чернаго папу», который по уставу вполне самостоятельно шелъ къ намѣченной цѣли; и если, по логическому ходу обстоятельствъ, папы очутились въ зависимости отъ іезуитовъ, а послѣдніе сознательно стремились къ всемірному господству, къ всемірной монархіи, то винить въ этомъ Лойолу нельзя, какъ нельзя обвинять огонь, что онъ сжигаетъ всѣ органическія тѣла, оставляя послѣ себя пепель. Своеобразная задача потребовала и своеобразнаго рѣшенія.

Обратимся теперь къ уставу, опредѣляющему внутреннее устройство общества, созданнаго Лойолою. Ордень іезуитовъ распадается на шесть классовъ: «послушники», «ученики», «святскіе кандидаты», «духовные кандидаты», «исповѣдники трехъ обѣтовъ» и «исповѣдники четырехъ обѣтовъ». Эти классы не представляютъ изъ себя замкнутыхъ кастъ, но переходъ изъ одного класса въ другой вполне зависитъ отъ способностей и

степени развитія экзаменующагося. Низшій классъ, послушники или новиціи, распадается на три параллельныхъ отдѣленія: свѣтскіе, духовные и безразличные; первые готовятся быть учителями, чиновниками, бухгалтерами и т. д.; вторые — священниками, миссіонерами, монахами; третьи — наклонности и дарованія которыхъ еще не выяснились. Большой частью это дѣти или юноши, воспитываемые въ духѣ, желательномъ ордену; поступить въ этотъ классъ извнѣ можетъ всякій, кромѣ бывшаго уже послушникомъ въ какомъ-нибудь духовномъ орденѣ. Поступающій въ послушники отрывается отъ своей воли, отъ своей семьи, отъ всего, что вообще дорого свободному человѣку; онъ становится рабомъ ордена, который имѣетъ право помыкать имъ, какъ вздумается; вступительные три обѣта, правила повседневной жизни, одежда, пища, жилище — для всѣхъ послушниковъ одинаковы безусловно; испытанія ихъ полной подготовленности производятся преимущественно въ возрастѣ отъ 15 до 18 лѣтъ. Приносящіе съ собою движимое или недвижимое имущество имѣютъ право имъ пользоваться на свои личные потребности, но отчуждать не смѣютъ, такъ какъ этимъ имуществомъ распоряжаются старшіе начальники. Если послушникъ почувствуетъ себя неспособнымъ продолжать дальше жизнь въ установленныхъ рамкахъ, то заявляетъ объ этомъ одному изъ начальниковъ и тотъ можетъ его уволить изъ ордена безъ всякихъ стѣсненій и церемоній.

Второй классъ, ученики или схоластики, мало чѣмъ отличается отъ перваго: только научныя занятія происходятъ въ усиленной степени и дисциплина немного строже. Ученики готовятся къ произнесенію данныхъ уже ими обѣтовъ при болѣе торжественной обстановкѣ; однако, если принятая ими на себя задача окажется непосильной, то ихъ также могутъ уволить изъ ордена. Нѣтъ возврата въ міръ изъ третьяго класса, свѣтскихъ кандидатовъ, и параллельнаго съ нимъ четвертаго, духовныхъ кандидатовъ. Эти два класса подвергаются испытаніямъ по всевозможнаго рода занятіямъ, конечно сообразуясь со способностями каждаго отдѣльнаго лица; не менѣе десяти лѣтъ испытаній, при расчетѣ, чтобы испытуемый былъ не моложе полныхъ 30 лѣтъ, даютъ право признать свои обѣты при торжественной обстановкѣ, въ присутствіи высшаго начальства. Во время испытаній

кандидаты духовные могутъ быть, съ разрѣшенія властей, священниками, принимающими исповѣдь постороннихъ, миссіонерами, пользующимися большей свободой дѣйствій, и начальниками іезуитскихъ коллегій; свѣтскіе кандидаты также, въ случаѣ надобности, могутъ исправлять болѣе или менѣе отвѣтственные должности, по указанію ближайшаго своего начальника.

Произнеся торжественно обѣты, кандидаты переходятъ въ пятый классъ, исповѣдниковъ трехъ обѣтовъ, не подвергаемыхъ уже испытаніямъ, а сознательно несущимъ свою службу на пользу и процвѣтаніе ордена. Въ этотъ классъ принимаютъ на 33-мъ году жизни, когда характеръ челоуѣка вполне установится и на него можно положиться. Исповѣдникъ трехъ обѣтовъ трудится усиленно въ различнаго рода должностяхъ, согласно данной ему инструкціи, но, какъ не подготовленный вполне, часто не знаетъ мотивовъ того или другаго распоряженія. Для того, чтобы знать всѣ тайны намѣренія, планы и соображенія распорядителей судьбами ордена, необходимо удостоиться полнаго довѣрія со стороны генерала и перейти въ послѣдній, шестой классъ, исповѣдниковъ четырехъ обѣтовъ. Право произнести четвертый обѣтъ, повиновенія римскому папѣ, предоставляется только лицу, доказавшему свою преданность генералу и ордену, — такому лицу, который не станетъ повиноваться папѣ въ ущербъ интересамъ своего ордена и съумѣетъ дипломатично вывернуться въ затруднительномъ положеніи. Строго говоря, единственно шестой классъ и заслуживаетъ названія настоящихъ іезуитовъ; въ ихъ рукахъ находится вся судьба ордена, такъ какъ только они распоряжаются низшими классами безконтрольно, изъ ихъ среды избираются всѣ высшіе начальники, и они одни знаютъ всѣ тайны ордена. Поэтому понятно, что число исповѣдниковъ четырехъ обѣтовъ довольно ограничено, и въ самую блестящую эпоху развитія могущества ордена іезуитовъ изъ не бывало больше 50 челоуѣкъ. Но достигъ такого блестящаго положенія можно только послѣ длиннаго ряда годовъ, проведенныхъ въ трудахъ и искусствахъ.

Кромѣ перечисленныхъ шести классовъ, составляющихъ собственно орденъ, въ распоряженіи іезуитовъ были и есть такъ называемые «привлеченные» или «свѣтскіе іезуиты». Эти лица очень многочисленныя, не принадлежатъ ни къ одному изъ клас-

совъ и, безъ всякой видимой связи съ орденомъ, занимаютъ въ обществѣ самыя разнообразныя положенія; тутъ являются чиновники, священники, военные, профессора, адвокаты, медики, юристы, кокотки, дипломаты, помѣщики, великосвѣтскія дамы, моряки, придворные, писаря, модистки, газетные репортеры, нищіе, полицейскіе чины, торговцы, художники, актрисы, литераторы и мастеровые. Большая часть изъ нихъ воспитывалась въ іезуитскихъ учебныхъ заведеніяхъ и сохранила связи съ бывшими своими наставниками и воспитателями; другіе привлечены прямо подкупомъ или же имъ общаются и исполняются различнаго рода домогательства, не достижимыя обыкновеннымъ путемъ. Въ большинствѣ случаевъ привлеченные такъ или иначе зависятъ отъ ордена, который ничѣмъ не связанъ съ ними и всегда можетъ отречься при промахѣ или скандалахъ съ ихъ стороны. Между тѣмъ польза отъ привлеченныхъ очень велика и понятна.

Что касается внутренняго управленія ордена, то во главѣ его состоитъ генераль, избираемый верховнымъ совѣтомъ или конгрегаціей пожизненно и утверждаемый папою; это утвержденіе обратилось впослѣдствіи въ пустую формальность. Всѣ члены ордена повинуются генералу безпрекословно, слѣпо, не позволяя себѣ разсуждать; пріемъ и удаленіе членовъ вполне зависятъ отъ него, онъ созываетъ верховный совѣтъ, предсѣдательствуетъ въ немъ и пользуется двумя голосами. Ничто не можетъ совершиться въ орденѣ безъ вѣдома и согласія генерала, отъ котораго зависятъ назначенія на всѣ должности; только его «ассистенты» и совѣтникъ или «адмониторъ» назначаются верховнымъ совѣтомъ послѣ его избранія. Если генераль уѣзжаетъ по важнымъ дѣламъ изъ Рима или почему нибудь не можетъ исполнять своей должности, его замѣщаетъ имъ же избранный генераль-викарій; передъ смертью генераль назначаетъ своего преемника, но если онъ не успеетъ этого сдѣлать, то исповѣдники четырехъ обществъ собираются и немедленно избираютъ генерала, чтобы орденъ ни секунды не оставался безъ главы. Избираемый не имѣетъ даже права отказаться отъ отвѣтственной должности. По идеѣ Лойолы, суммы, отпускаемыя на содержаніе генерала, расходуются верховнымъ совѣтомъ, который имѣетъ право, въ случаѣ растраты и явно соблазнительнаго образа жизни, немедленно смѣстить гене-

рала. Дѣятельность главы ордена заключается въ непрерывномъ руководствѣ и контролѣ всѣхъ дѣйствій членовъ, для чего онъ поддерживаетъ постоянную переписку, причемъ каждый іезуитъ имѣетъ право, по дѣламъ ордена, прямо адресоваться къ генералу, единственной заботой котораго должно быть развитіе и процвѣтаніе его всемірной монархіи, его государства въ государствахъ; онъ можетъ обладать научнымъ образованіемъ, но важнѣе всего для него знаніе человѣческихъ слабостей, неустанная дѣятельность, отважная рѣшимость, мудрая осторожность и желѣзная сила воли для достиженія намѣченной цѣли.

Ассистенты генерала составляютъ его тайный совѣтъ; это — его министры; они являются, въ числѣ пяти, представителями орденскихъ провинцій, по именамъ которыхъ и называются. Они созданы не только для помощи генерала, но и для надзора за нимъ, поэтому ассистенты могутъ, въ случаѣ серьезной необходимости, созвать верховный совѣтъ помимо генерала, даже низложить послѣдняго, заручившись письменнымъ согласіемъ провинцій. Шестой членъ тайнаго совѣта, адмониторъ, даетъ секретные совѣты «въ почтительной формѣ» генералу, въ случаѣ его промаховъ во вредъ ордена, и также избирается верховнымъ совѣтомъ. Такая система шпионства, примѣненная къ властелину ордена, примѣняется послѣднимъ ко всѣмъ подчиненнымъ ему въ орденѣ лицамъ, а при содѣйствіи всѣхъ членовъ и «привлеченныхъ» къ заслуживающимъ вниманія лицамъ внѣ ордена, почему генераль постоянно знаетъ все, что дѣлается на свѣтѣ. Необходимо замѣтить при этомъ, что шпионство надъ поведеніемъ генерала мало опасно ему въ силу его неограниченной власти; весь тайный совѣтъ находится прямо въ его рукахъ; онъ можетъ его разогнать, арестовать, наказать, наконецъ генераль, въ силу папской буллы 14 марта 1543 г., можетъ самостоятельно измѣнить статьи устава и сдѣлать изъ членовъ тайнаго совѣта прямыхъ исполнителей своихъ распоряженій. Такимъ правомъ пользовались преемники Лойолы, генералы Лайнесъ, Борджіа и Аквавива.

Вся іезуитская монархіа, для удобства управленія, раздѣляется на провинціи, которыхъ по смерти Лойолы уже было двѣнадцать. Во главѣ каждой провинціи находится «провинціалъ», или губернаторъ, заботящійся о процвѣтаніи ввѣренной ему области и по-

лучающій приказанія прямо отъ генерала; онъ назначаетъ преподавателей для «послушниковъ» и «учениковъ», прокуроровъ, вѣдающихъ имущественныя дѣла провинціи, священнослужителей, свѣтскихъ префектовъ, научныхъ префектовъ, санитарныхъ префектовъ, исповѣдниковъ, проповѣдниковъ, совѣщательныхъ членовъ, «регентовъ» или администраторовъ коллегій, профессоровъ и членовъ совѣта въ коллегіяхъ. Только назначеніе вице-провинціала, старшинъ домовъ «исповѣдниковъ» и «послушниковъ», ректоровъ и канцлеровъ коллегій принадлежитъ генералу; иногда провинціалъ можетъ и ихъ назначать, но вездѣ и всегда необходимо утвержденіе со стороны генерала. Чтобы послѣдній лучше зналъ, на комъ остановить свой выборъ, провинціалъ черезъ каждые три года посылаетъ ему самый полный списокъ всѣхъ подчиненныхъ ему лицъ, съ подробнымъ разъясненіемъ характера, способностей, наклонностей, общественныхъ связей и познаній каждаго. На помощь провинціалу существуетъ его тайный совѣтъ, состоящій изъ 3 ассистентовъ и 1 адмонитора. Въ соотвѣтствующихъ условіяхъ находятся старшины или «настоятели» домовъ исповѣдниковъ трехъ обѣтовъ и ректоры коллегій, равноправныхъ, въ силу папскаго разрѣшенія, всѣмъ католическимъ университетамъ.

Кромѣ шпионства тайнаго, но повсемѣстнаго, генералъ посылаетъ въ провинціи по временамъ «коммиссаровъ» и визитаторовъ для ревизій, исправленія нанесеннаго вреда, приѣма жалобъ и подробнаго донесенія о положеніи дѣлъ. Старшины и ректоры докладываютъ провинціалу письменно каждую недѣлю о своихъ дѣлахъ, провинціалъ докладываетъ генералу ежемѣсячно, а въ январѣ представляетъ годичный отчетъ. Разъ въ три года созывается провинціальная конгрегація изъ «исповѣдниковъ» для обсужденія нуждъ и потребностей мѣстныхъ; особый депутатъ отвозитъ лично генералу полный журналъ засѣданій и докладываетъ словесно о томъ, что опасно довѣрить бумагѣ. Обще-іезуитскій оффиціальныи костюмъ напоминаетъ васкона: сомбреро, или шляпа съ полями, старинный черный плащъ и подъ нимъ черная сутана; въ случаѣ же надобности іезуитъ можетъ явиться въ омофорѣ епископа, мантии кардинала, мундирѣ офицера, сюртукѣ частнаго лица и фракѣ свѣтскаго щеголя. О наружности іезуита есть предписаніе Лойолы: «Голова слегка наклонена впередъ, но

не свѣшена вправо или влево; глаза опущены на столько, чтобы не смотрѣть на собесѣдника, а искоса слѣдить за нимъ; хмуриться и морщить носъ не слѣдуетъ, вообще сохранять невозмутимость, но при этомъ внѣшній видъ имѣть больше ласковый и довольный, чѣмъ печальный; не развѣвать рта и не поджимать губы; ходить по возможности всегда степенно». Прежде чѣмъ постановить это правило, Лойола долго обдумывалъ его, плакалъ и семь разъ обращался съ молитвою къ Богу.

VIII. Генераль Иньиго Лойола.

Уступая «настояніямъ» своего духовника, священника Теодосіо при церкви св. Петра монторійскаго, Лойола принялъ должность генерала ордена послѣ третьей баллотировки и, чтобы публично показать примѣръ смиренія, первые дни исполнялъ должность кухоннаго мальчика. Затѣмъ онъ вернулся къ своимъ обычнымъ занятіямъ въ созданной имъ школѣ, гдѣ обучалъ очень успѣшно мальчиковъ, не смотря на плохое знаніе италіянскаго и латинскаго языковъ. Бывшій офицеръ приобрѣлъ такую славу своими педагогическими приѣмами, что даже богатые родители охотно помѣщали своихъ дѣтей въ его скромную школу. Кромѣ того онъ почему-то полюбилъ евреевъ и ревностно старался обращать ихъ въ христіанство; успѣхъ подстрекнулъ его идти дальше, и онъ нашелъ новую специальность: исправлять и обращать на путь истины падшихъ женщинъ. Почти ежедневно онъ посѣщалъ площади, базары, рынки, дома терпимости и разные притоны вѣчнаго города; вслѣдъ раздавалась его страстная, вдохновенная рѣчь и почти всегда ему удавалось увести раскаявшуюся въ особо устроенный имъ пріютъ, гдѣ онъ также поучалъ женщинъ христіанскимъ добродѣтелямъ и евангельскимъ истинамъ. Вслѣдъ затѣмъ Лойола создалъ второй пріютъ, гдѣ находили убѣжище одинокія благородныя дѣвушки и молодыя женщины спасаясь отъ мірскихъ соблазновъ, а подчасъ и нищеты. Логія женщины изъ обоихъ пріютовъ посвящали себя Богу, поселились въ монастыри, принимали на себя обученіе дѣтей, и легко понять, какъ эти «привлеченныя» ревностно служили цѣлямъ ор-

дена, поддержавшаго ихъ въ тяжелую минуту. Только со вторымъ пріютомъ случился скандалъ. Туда попала замужняя женщина, и ея родственники распустили по Риму слухъ, что она находится въ любовной связи съ Лойолою и нѣкоторыми его друзьями; весь городъ заговорилъ объ этомъ, и сконфуженный генераль вынужденъ былъ прибѣгнуть къ декрету Павла III, чтобы разъяснить дѣло и успокоить общество.

Одновременно съ этими дѣлами Лойола составлялъ по кастильски конституціи или уставъ своего ордена. Поклонники его увѣряютъ, будто во всѣхъ маломальски затруднительныхъ вопросахъ генераль обращался за разъясненіями непосредственно къ Богу, благодать котораго видимо почивала на немъ. Обыкновенно, какъ рассказываютъ, Лойола излагалъ сомнительный для него параграфъ на бумагѣ, которую помѣщалъ на престолѣ на все время обѣдни; если по окончаніи обѣдни текстъ оставался безъ измѣненія, то Лойола считалъ одобреніе Бога несомнѣннымъ. Разсматривая этотъ уставъ, составленный при божественномъ сотрудничествѣ, можно видѣть, что главными консервативными тормазами, предохраняющими орденъ іезуитовъ отъ распаденія, были слѣдующіе пункты: система взаимнаго шпионства, доведенная до виртуозности; формальное запрещеніе членамъ ордена принимать должности и званія внѣ ордена; учрежденіе цензурной комиссіи изъ трехъ делегатовъ, безъ одобренія которыхъ ни одинъ іезуитъ не смѣлъ напечатать что бы то ни было. Благодаря этимъ основнымъ правиламъ, орденъ іезуитовъ, несмотря на значительные промахи своихъ отдѣльныхъ членовъ, имѣетъ возможность существовать до настоящаго времени, правда, не признаваемый многими *de jure*, но фактически пользующійся большими богатствами, властью, силою и несомнѣннымъ вліяніемъ.

Занимаясь всѣмъ вышесказаннымъ, Лойола зорко слѣдилъ за первыми шагами въ свѣтѣ своихъ сочленовъ, ободряя однихъ, сдерживая другихъ, исправляя промахи третьихъ; главнѣйшая задача ордена преслѣдовалась имъ неутомимо, и многіе изъ его подчиненныхъ дѣйствовали въ этомъ отношеніи единодушно и съ блестящимъ успѣхомъ. Желая поддержать довѣріе къ себѣ, генераль повторилъ чудо 1537 г.: проѣзжая съ Віоле 29 августа 1541 г. по мосту Сикста, онъ вдругъ остановился и съ молитвою объявиль,

что видѣлъ улетающую душу Кодюра, который умеръ въ это время въ Падуѣ. Видя рвеніе и усердіе Лойолы въ исполненіи принятаго имъ на себя обязательства бороться съ врагами католической церкви и папскаго престола, Павелъ III обнародовалъ 14 марта 1543 г. буллу «*Injunctum vobis*», въ которой разрѣшилъ ордену имѣть неограниченное число членовъ и кромѣ того, въ знакъ полнаго своего довѣрія, далъ право генералу измѣнять статьи устава, сообразно съ обстоятельствами и требованіями времени, безъ вѣдома самого папы. Въ силу такого обширнаго полномочія, Лойола сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія во внутреннемъ устройствѣ ордена; до сихъ поръ члены ордена дѣлились на два класса: послушниковъ и исповѣдниковъ четырехъ обѣтовъ; находя это не соответствующимъ дѣйствительнымъ потребностямъ растущаго не по днямъ, а по часамъ ордена, Лойола ввелъ постепенно еще два класса, духовныхъ и свѣтскихъ кандидатовъ. Эта реформа была одобрена новою буллою 5 іюня 1546 г. «*Exponi vobis*». Затѣмъ для послушниковъ Лойола сдѣлалъ обязательнымъ изученіе его «Духовныхъ упражненій», написанныхъ по кастильски еще въ Манресѣ. Когда враждующій съ іезуитами архіепископъ толедскій Силичео запретилъ формально употребленіе этой книги, переполненной описаніями военныхъ дѣйствій Иисуса Христа противъ сатаны, неугомонный генералъ вызвалъ къ себѣ наиболѣе образованныхъ «кандидатовъ» и велѣлъ имъ сдѣлать переводъ по латыни; лучшимъ переводомъ оказался трудъ француза Андре Фрюза. Его переводъ напечатали и передали покровителю испанскихъ іезуитовъ, герцогу Франциску Борджіа-Гандіа, а тотъ представилъ его Павлу III; папа разсмотрѣлъ и одобрилъ «Духовныя упражненія», о чемъ и заявилъ 31 іюля 1548 г. въ буллѣ «*Approbatio exercitiogum*», настоятельно рекомендуя ихъ всѣмъ набожнымъ людямъ и порицая сурово хулителей книги.

Родригезъ и Ксавье были избраны самимъ Лойолою, когда португальскій король Хуанъ III, снесшись письменно со своимъ другомъ Говеаномъ; провизоромъ коллегіи св. Варвары въ Парижѣ, обратился черезъ своего посланника въ Римъ Маскареньяса, родственника Аліеноры Маскареньясъ и духовнаго сына самого Лойолы, къ папѣ съ просьбою прислать іезуитовъ для исправленія вѣры и нравовъ португальцевъ. Потрудившись сначала совместно

и овладѣвъ довѣріемъ слабохарактернаго и недалекаго по уму Хуана III, Ксавье отправился въ португальскую Остъ-Индію въ качествѣ папскаго легата. Это было въ маѣ 1541 г. Побывавъ въ Мозамбикѣ, Ксавье прибылъ въ Гоа и принялся ретиво и своеобразно обращать туземцевъ въ христіанство; онъ училъ дѣтей молитвамъ, платя за это сластями, а когда тѣ твердо отвѣчали урокъ, приказывалъ учить родителей и заносилъ семью въ списокъ христіанъ. Индусы смѣялись надъ оригинальнымъ миссіонеромъ и прятались отъ него, если онъ являлся съ военнымъ конвоемъ. Недовольный сдержанностью вице-короля, не дававшего ему батальоновъ, Ксавье заставилъ Хуана III смѣстить его, а затѣмъ, воспользовавшись случаемъ, отправился въ Индо-Китай, на полуостровъ Малакку, на Зондскіе, Молуккскіе и Филиппинскіе острова, долго жилъ въ Японіи и умеръ 3 февраля 1552 г. на южной границѣ въ завѣтный для него Китай, обративъ по своему способу почти 200.000 чел. въ христіанство и вытребовавъ въ Гоа доминиканскихъ инквизиторовъ для поддержанія повиновенія среди бунтующихъ туземцевъ. Ксавье признанъ однако папою святымъ и прозванъ апостоломъ Индіи.

Родригецъ, сынъ сапожника изъ Буцеллы, остался одинъ при лиссабонскомъ дворѣ и повелъ іезуитскую пропаганду со всей наглостью зазнавагося простолюдина, попавшаго въ барскія хоромы. Пользуясь покровительствомъ короля, онъ немедленно, исполняя завѣтъ Лойолы, основалъ въ университетскомъ городѣ Коимбрѣ первую въ Европѣ іезуитскую коллегію, чтобы бороться со свѣтскими преподавателями; послѣ отъѣзда Ксавье явилась вторая коллегія въ Оporto. Исполняя второй завѣтъ Лойолы, Родригецъ старался снискать расположеніе знатнаго дворянства и для этого всѣми дозволенными и недозволенными средствами привлекалъ знатныхъ юношей въ ряды іезуитовъ; такимъ образомъ въ списокъ членовъ появились въ короткое время Баретто, Сильвейра, братья Менесезъ, Камара, Энрикецъ и даже Браганца. Послѣдняго, близкаго родственника Хуана III, Родригецъ насильственно увезъ въ домъ «исповѣдниковъ» и заставилъ принять постриженіе. Дворянство, оскорбляемое іезуитами, почти взбунтовалось и подало королю петицію; король сталъ упрекать Родригеца, но тотъ съ неподражаемой дерзостью обругалъ за это его

и заявилъ, что если король посмѣетъ настаивать, то онъ самъ уѣдетъ и увезетъ всѣхъ іезуитовъ изъ Португаліи. Хуанъ III испугался, уступилъ и сталъ еще болѣе раболѣпнымъ; когда Родригецъ захворалъ въ Альмейрикѣ, то король со всѣмъ дворомъ навѣщалъ его нѣсколько разъ, недовольныхъ іезуитами сажалъ въ тюрьму, поручилъ Родригецу воспитаніе своего сына и наследника престола, принца Хуана, и далъ средства устроить третью коллегію въ Эворѣ. Послѣ 1543 г. у большинства аристократовъ духовниками были іезуиты. Вскорѣ затѣмъ іезуиты проникли въ Бразилію, въ 1549 г. утвердились тамъ, а въ 1553 г. Лойола долженъ былъ назначить туда особаго провинціала. Понятно, что Родригецъ зазнался и началъ пренебрегать своими прямыми обязанностями настолько, что коимбрская коллегія, вмѣсто соперничества съ университетомъ, была заброшена и почти развалилась. Долго переносилъ Лойола своеволие своего любимца, но послѣднее обстоятельство вывело его изъ терпѣнія, и Родригецъ былъ смѣщенъ изъ провинціаловъ, чѣмъ крайне огорчился португальскій король. Подстрекаемый Родригецомъ, Хуанъ III поссорился съ Лойолою, но послѣдній сумѣлъ внушить къ себѣ довѣріе, и помирился.

Сальмеронъ и Брузъ были отправлены папою въ качествѣ легатовъ въ Ирландію; злоупотребляя своимъ положеніемъ, они такъ безцеремонно и нахально обращались со свободолюбивыми ирландцами, что тѣ нѣсколько разъ покушались на ихъ жизнь. Не принеся пользы и спасая свою жизнь, достойные легаты тайкомъ бѣжали изъ Дублина въ Италію, гдѣ дѣла ордена процвѣтали. Лайнесъ тактично повелъ дѣло въ Венеціи и снискалъ довѣріе общества; Липпомани подарилъ ордену домъ и землю въ Падуѣ, чтобы устроить первую въ Италіи іезуитскую коллегію, которою первое время руководили Паланка и Фрюзъ; то-же самое сдѣлалъ Мендози въ Тиволи, Доріа въ Генуѣ и кардиналъ Карпи въ Лоретто. Постепенно основались коллегіи въ Мессинѣ, Палермо, Неаполѣ, Туринѣ, Мантуѣ, Флоренціи, Феррарѣ, Болоньѣ, Пармѣ, Сиеннѣ и Авиньонѣ; благодаря такому успѣху, Лойола нашелъ необходимымъ раздѣлить Италію на три провинціи. Папа разрѣшилъ выстроить въ Римѣ огромный домъ для надобностей ордена и радовался успѣху и сполинскаго предпріятія. По указанію Лойолы, Сальмеронъ сталъ руководить пропагандою въ Моденѣ, Брузъ въ Сполетѣ, а

Лайнесъ и Араоцъ, въ качествѣ провинціаловъ, въ Венеціи, Падуѣ и Неаполѣ. По недостатку рукъ Лойола захотѣлъ облегчить условія зачисленія въ «исповѣдники», но случай съ Постелемъ вынудилъ его оставить прежнія условія. Вильгельмъ Постель, изъ подонковъ нѣмецкаго бюргерства, обратилъ на себя вниманіе генерала и быстро былъ переведенъ въ старшій классъ; почувствовавъ свою силу, онъ сдѣлался такъ дерзокъ и грубъ, какъ только можетъ быть зазнавшійся нѣмецъ, поэтому Лойола вынужденъ былъ торжественно выгнать его изъ состава ордена и удалить даже изъ Италіи. 3 іюня 1545 г. была обнародована булла «*Sum inter*», которою Павелъ III разрѣшалъ любезнымъ его сердцу іезуитамъ совершать богослуженія во всѣхъ церквахъ, селеніяхъ, на всѣхъ дорогахъ и площадяхъ, не испрашивая разрѣшенія мѣстнаго духовенства, повсемѣстно проповѣдывать, поучать, исповѣдывать, отпускать грѣхи, кромѣ указанныхъ въ особомъ спискѣ, измѣнять сущность даваемыхъ частными лицами обѣтовъ и подвергать безацелляціонно провинившихся духовному наказанію.

Португальская принцесса Марія, дочь короля Хуана III, выданная по настоянію Родригеда замужъ за испанскаго принца Филиппа, сына Карла V, въ 1543 г., привезла съ собою въ Вальядолиль, тогдашнюю столицу Испаніи, Лефевра и Араоца. Эти два даровитыхъ іезуита пріобрѣли покровительство вице-короля Каталоніи, герцога Франциска Борджіа-Гандіа, правнука по матери короля Фердинанда-Католика; этотъ знатный вельможа, правнукъ по отцѣ папы Александра VI и братъ двухъ кардиналовъ, былъ ревностный католикъ и, заботясь о спасеніи своей души по рецепту Лойолы, далъ широкій просторъ іезуитамъ въ управляемыхъ имъ областяхъ и поддерживалъ ихъ при каждомъ случаѣ. Въ скоромъ времени въ университетскомъ городѣ Алкала-де-Генаресъ была учреждена первая въ Испаніи іезуитская коллегія, а затѣмъ коллегіи появились въ Малагѣ, Гренадѣ, Кордовѣ, Севильѣ, Бургосѣ, Барселонѣ, Мурсіи и пр., и пр. Блестящи были успѣхи Лефевра, оставшагося провинціаломъ послѣ перевода Араоца въ Неаполь, но упорна была и борьба его съ врагами іезуитовъ. Кардиналъ Мендоза далъ средства на устройство коллегіи въ Саламанкѣ, но противъ этого возстали всѣ профессора университета, съ Каиво во главѣ; этотъ знаменитый богословъ безъ стѣсненія заявлялъ

всѣмъ, что приближается конецъ свѣта, такъ какъ появились иезуиты, «предтечи антихриста». Толедскій архіепископъ Силичео принялъ сторону университета, и его викарій принялся выживать послѣдователей Лойолы, подвергнутыхъ отлученію отъ церкви, изъ всей саламанкской епархіи. Лойола, интересуясь особенно своею родиною, принялъ дѣятельное участіе въ борьбѣ, и послѣдствія не замедлили показать его могущество: профессоръ-богословъ Кано былъ командированъ представителемъ Испаніи на тридентскій соборъ, а затѣмъ былъ назначенъ епископомъ Канарскихъ острововъ; архіепископъ Силичео смирился передъ буллой 18 октября 1549 г. «Licet debitum», объявившей иезуитовъ подъ особымъ покровительствомъ папскаго престола, и вскорѣ почему-то скончался. Провинціалъ Страда, замѣнившій Лефевра, отпавленнаго въ Германію, съ торжествомъ вернулся въ Саламанку, въ сопровожденіи гусекскаго епископа, освятившаго лично зданіе коллегіи Торжество иезуитовъ было полное, и даже малограмотный ректоръ барселонской коллегіи, Виллануово, приобрѣлъ множество новыхъ членовъ ордену.

Въ Нидерланды, подчиненныя также скипетру Карла V, иезуиты попали черезъ Францію и раньше всего основали свою коллегію въ Турне, а затѣмъ постепенно устроились въ Антверпенѣ, Брюгге, Люттихѣ, Гентѣ, Брюсселѣ, Монсѣ, Лиллѣ, Дуэ и Мастрихтѣ; первое время коллегіи въ этихъ городахъ были скромно и даже бѣдно обставлены, такъ какъ духовные ордена не имѣли права приобретать имущества въ Нидерландахъ, но впоследствии иезуиты сумѣли обойти этотъ законъ и приобрѣли дома и земли среди флананцевъ и валлоновъ. Въ Германіи, главною очагъ протестантизма, первое время успѣхи пропаганды были очень слабыя. Первыми явились туда ле-Жэ и Вобадилья, затѣмъ къ нимъ присоединился Лефевръ; они участвовали въ переговорахъ на рейхстагахъ въ Регенсбургѣ и Вормсѣ, гдѣ простой народъ былъ до такой степени раздраженъ противъ ле-Жэ, что хотѣлъ утопить его въ Дунаѣ. Пришлось спасаться бѣгствомъ, и ле-Жэ нашелъ пріютъ въ Ингольштадтѣ, гдѣ баварскій герцогъ Вильгельмъ II далъ ему профессуру. Вобадилья устроился въ Вѣнѣ подъ покровительствомъ эрцгерцога Фердинанда, брата императора, а Лефевръ поселился въ Нельнѣ, начавъ серьезную борьбу съ анти-католическими идеями;

при этомъ онъ привлекъ подъ знамя Лойолы голландца Канзиуса, настоящая фамилія котораго была ванъ-Гондтъ. Этотъ уроженецъ ганзейскаго города Нимвегена пользовался репутаціей дѣльнаго преподавателя и въ послѣдствіи прославился «краткимъ катехизисомъ», принятымъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ католической Германіи. Медленно воздвигались іезуитскія коллегіи въ Вѣнѣ, Инсбрукѣ, Прагѣ, Мюнхенѣ и Ингольштадтѣ, но со вступленіемъ на императорскій престолъ Фердинанда І дѣла измѣнились и быстро появились коллегіи въ Майнцѣ, Трирѣ, Грацѣ, Галле и Диллингенѣ; затѣмъ іезуиты вторглись въ Чехію, Мадыарію, Польшу и Литву.

Неурядица въ Германіи, вызванная религіознымъ движеніемъ, заставила нѣмецкихъ князей просить папу о созывѣ собора, чтобы разрѣшить массу возникшихъ вопросовъ. Долго уклонялся отъ этого Павелъ III, сознавая предстоящія затрудненія съ епископами Германіи и Франціи, стремящимися свергнуть съ себя иго римскаго первосвященника, но наконецъ уступилъ и 31 декабря 1545 г. открылъ XIX вселенскій соборъ въ епископальномъ городѣ Тридентѣ. Чтобы отстаивать первенство папскаго престола, Павелъ III прислалъ множество своихъ приверженцевъ подъ видомъ легатовъ, а кромѣ того просилъ Лойолу командировать на соборъ лучшихъ богослововъ; выборъ генерала палъ на Лайнеса и Сальмерона, которымъ онъ далъ особую инструкцію, рекомендуя въ ней удерживаться отъ преній съ лучшими богословами Европы, чтобы не обнаружить своего невѣжества. Хитрый Лайнесъ лучше понялъ тайное желаніе папы и оставилъ инструкцію своего генерала безъ вниманія. Іезуиты явились въ Тридентъ, гдѣ встрѣтили ле-Жэ, пріѣхавшаго официально отъ аугсбургскаго епископа, скромно поселились въ госпиталь и нахально стали вмѣшиваться во всѣ учено-богословскіе споры, поднимая тѣмъ вопросы по предметамъ, не относящимся до прямого назначенія собора. Своими схоластическими разсужденіями о непорочномъ зачатіи и свободной волѣ Лайнесъ вывелъ епископовъ изъ терпѣнія и тѣ пожаловались Павлу III; папа воспользовался этимъ и, подъ предлогомъ лучшаго руководительства, перевелъ засѣданія въ Болонью; однако многіе остались въ Тридентѣ и такимъ образомъ соборъ затянулся на неопредѣленное время. Ле-Жэ между тѣмъ снискалъ расположеніе эрцгерцога Фердинанда и тотъ сталъ про-

силь папу назначить его епископомъ тріестскимъ; обратились къ Лойолѣ, но генераль формально запретилъ ле-Жю и думать объ епископѣ, изъ принципа не желая отпускать изъ ордена талантливыхъ членовъ. Въ то-же время, въ 1548 г., Вобадилья попалъ въ Аугсбургъ на интеримъ, или соглашеніе католиковъ съ протестантами, грубо удержалъ баварскаго курфюрста Фридриха II отъ перехода въ лютеранство и наговорилъ дерзостей Карлу V; императоръ выгналъ его изъ Германіи и Вобадилья прибылъ въ Римъ, гдѣ Лойола громогласно осудилъ его, чтобы только не раздражить Карла V, хотя тайно одобрилъ поведеніе сочлена.

Хуже всего для іезуитовъ шли дѣла во Франціи. Не имѣя въ своихъ рядахъ французовъ, первое время іезуиты безцеремонно выгонялись за-границу, какъ испанскіе подданные, по случаю войны между Карломъ V и Францискомъ I. Наконецъ они втерлись подъ прикрытіемъ первыхъ французовъ, привлеченныхъ въ орденъ, Віоле и Пеллетье; тѣ познакомились въ Триденѣ съ клермонскимъ епископомъ Гильомомъ Дюпра, сыномъ знаменитаго канцлера Франціи, кардинала и архіепископа санскаго Антуана Дюпра, и тотъ подарилъ Віоле принадлежащее ему зданіе сень-жюневьевскаго аббатства въ Парижѣ, гдѣ немедленно возъшла коллегія. Противъ такого захвата возсталъ парижскій университетъ, поддержанный парламентомъ и парижскимъ епископомъ энергичнымъ Эташемъ дю-Беллэ; пока шла словесная борьба, іезуиты учредили коллегіи въ Билломѣ и Моріака. Интеримъ во Франціи, гдѣ собственно орденъ и былъ основанъ, Лойола пользовался пріѣздомъ въ Римъ кардинала Шарля Лоррена и сумѣлъ заручиться покровительствомъ этого гордаго вельможи для ордена. Кардиналь расположился къ іезуитамъ самого папы Франциска I, но враждебная партія взяла верхъ, и парламентъ осудилъ послѣдователей Лойолы, назвавъ ихъ «безнравственными скопищемъ, въ средѣ котораго множество преступниковъ, завидныхъ негодяевъ и незаконнорожденныхъ отрешевъ». Віоле уѣхалъ въ Римъ, гдѣ состоялось тайное совѣщаніе. Мнѣніе генерала одержало верхъ: онъ предложилъ ступешаться и притаиться покуда не уляжется возбужденіе и не успокоится общественное мнѣніе. Разсчетъ Лойолы оправдался: 31 марта 1547 г. скончался Францискъ I и на престолъ вступилъ его сынъ Генрихъ II, мужъ зна-

менитой Катарины Медичи; благодаря итальянской принцессѣ, іезуиты нахлынули во Францію и долго пользовались громаднымъ политическимъ вліяніемъ.

Таковы были первые годы жизни ордена іезуитовъ, созданнаго Лойолою. Старикъ продолжалъ жить въ Римѣ, ревниво оберегая свое дѣтище отъ возможнаго крушенія. Умеръ въ 1549 г. Павелъ III и на престолъ вступилъ Піоччи, подъ именемъ Юлія III: этотъ папа также покровительствовалъ ордену и далъ ему еще нѣсколько привилегій. Юлія III смѣнилъ Марцеллъ II въ 1555 г., прожившій на престолѣ всего 23 дня, и затѣмъ былъ избранъ папою недругъ Лойолы, кардиналъ Караффа, подъ именемъ Павла IV. Новый первосвященникъ относился къ ордену сдержанно и холодно. Огорченный и больной генералъ сталъ хирѣть, переехалъ въ новое зданіе, имъ же выстроенное, спасаясь отъ повальной болѣзни, косившей римлянъ, и тутъ скончался на рукахъ своего секретаря Паланки 31 іюля 1556 г., не назначивъ себѣ преемника. Претендентами на главенство въ орденѣ явились Паланка, Бобадилья и Лайнесъ. Послѣдній, какъ самый коварный, одержалъ верхъ на выборахъ 2 іюля 1558 г., и Павелъ IV призналъ его вторымъ генераломъ іезуитовъ.

Приводимъ списокъ генераловъ ордена іезуитовъ: 1) Игнатій Лойола, испанецъ, 1541—1556 г.; 2) Яго Лайнесъ, испанецъ, 1558—1565 г., уничтожилъ въ уставѣ многое, стѣснявшее неограниченную власть генерала; 3) Франческо Борджиа-Гандиа, испанецъ, бывший вице-король Каталоніи, 1565—1572 г., первый началъ вмѣшиваться въ европейскую политику; 4) Эверардъ Меркуріанъ, бельгіецъ, 1572—1580 г.; 5) Клавдіо Аквавива, неаполитанецъ, сынъ герцога Антоніо Аквавива-Конверсано, 1580—1615 г., далъ окончательную редакцію уставу ордена; при немъ значилось официально 10.600 іезуитовъ; 6) Муціо Вителлески, римлянинъ, 1615—1643 г.; при немъ папа Григорій XV призналъ 12 марта 1622 г. Лойолу святымъ; 7) Виценцо Караффа, римлянинъ, 1643—1649 г.; 8) Франческо Пикколомини, флорентіецъ, 1649—1651 г.; 9) Александръ Готифредо, римлянинъ, 1651—1652 г.; 10) Госвинъ Никкель, баварецъ, 1652—1664 г.; 11) Джіанпаоло Олива, генуезецъ, 1664—1681 г.; при немъ іезуитовъ было 17.655 чел.; 12) Шарль де-Нойелль, бельгіецъ,

1681—1686 г.; 13) Тирсо Гонзалецъ, испанецъ, 1686—1705 г.; 14) Микель-Анджело Тамбурини, моденецъ, 1705 — 1730 г.; при немъ іезуитовъ было 19.988 чел.; 15) Францискъ Ретцъ, чехъ, 1730—1750 г.; 16) Игнатій Висконти, ломбардъ, 1750—1755 г.; 17) Луиджи Чентуріони, генуезецъ, 1755—1757 г.; 18) Лоренцо Риччи, флорентіецъ, 1757—1773 г.; при немъ орденъ былъ официально закрытъ, имѣя въ своихъ рядахъ 22.589 чел.; 19) Станиславъ Черневичъ, литвинъ, 1773—1782—1785; 20) Гавріиль Ленкевичъ, полякъ, 1785—1798; 21) Францискъ Карё, нѣмецъ, 1798—1802; 22) Гавріиль Груберъ, австріецъ, 1802—1805; 23) Тадеушъ Бржозовскій, полякъ, 1805—1820; при немъ орденъ былъ официально восстановленъ; 24) Людовикъ Фортисъ, ломбардъ, 1820—1839 г.; 25) Іоганнесъ Роотгаанъ, голландецъ, 1839—1853 г.; при немъ іезуитовъ числилось 5.510 чел.; 26) Іоганнъ-Петръ Бёксъ, бельгіецъ, 1853—1884 г.; увеличилъ число іезуитовъ до 8.000 чел. слишкомъ, а въ религіозно-политической борьбѣ съ Германіею, извѣстный подъ именемъ «Kulturkampf», одержалъ побѣду надъ княземъ Бисмаркомъ, заставивъ его отменить «майскіе законы»; 27) нынѣшній генераль ордена Антоній Андерледи съ 1884 г., избранъ послѣ отреченія Бёкса, родомъ ирландецъ.

Носятся слухи, что послѣ Лоренцо Риччи іезуиты избираютъ двухъ генераловъ: одинъ—настоящій властелинъ ордена, живущій въ настоящее время со своимъ тайнымъ совѣтомъ въ Америкѣ, а другой—подставной, вродѣ громоотвода, живетъ въ Римѣ и руководитъ политикою папъ. Насколько это вѣрно, рѣшить конечно трудно. Однако наблюденія нѣкоторыхъ лицъ, имѣющихъ возможность близко слѣдить за дѣятельностью ордена, подтверждаютъ отчасти это предположеніе.

IX. Іезуиты въ Россіи.

Умирая, Лойола оставилъ 12 іезуитскихъ провинцій и 35 «исповѣдниковъ четырехъ обѣтовъ»; умно заведенная машина пошла въ ходъ и, несмотря на громадныя препятствія, орденъ росъ, развивался и богатѣлъ, пріобрѣтая земныя сокровища во

всѣхъ частяхъ свѣта, пока единодушный взрывъ народнаго негодованія по всей Европѣ не заставилъ папу Климента XIV уничтожить это темное царство, эту шайку алчныхъ и развратныхъ интригановъ; его булла 21 юля 1773 г., «*Dominus ac Redemptor poster*», прекращавшая официально существованіе ордена іезуитовъ, была встрѣчена съ восторгомъ и благословеніями, хотя самому папѣ стояла жизни, такъ какъ онъ скончался отъ отравы 22 сентября 1774 г. Но орденъ продолжалъ существовать, такъ какъ его зависимость отъ папы была лишь пустымъ звукомъ. «Черный папа» фактически гораздо могущественнѣе «благаго папы», такъ какъ онъ опирается на мастерски выдрессированную боевую дружину, разбѣянную по всему свѣту и скрывающуюся подъ самыми разнообразными нарядами. Уже покорный слуга «чернаго папы», кардиналъ Чиарамонти, едва вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Пія VII 14 марта 1800 г., какъ немедленно разрѣшилъ существованіе ордена, но далъ свое согласіе тайно, опасаясь Наполеона I; 17 августа 1814 г., видя политическій хаосъ въ Европѣ, Пій VII смѣло обнародовалъ буллу «*Sollicitudo omnium ecclesiarum*», въ которой возстановлялъ орденъ во всѣхъ правахъ и привилегіяхъ.

Послѣ буллы Климента XIV только два государства дали іезуитамъ позволеніе существовать официально: Пруссія и Россія. Прусскій король Фридрихъ II, другъ Вольтера и д'Аламбера, смотрѣлъ не очень благосклонно на послѣдователей Лойолы и собирався выгнать ихъ изъ своего государства; когда въ 1772 г. іезуиты стали просить позволенія расселиться по всей Пруссіи, Фридрихъ II отвѣтилъ ѣдкими насмѣшками и категорично отказалъ. Но, при обнародованіи буллы, онъ вдругъ призналъ ихъ педагогическія способности и далъ имъ, къ удивленію всей Европы, права гражданства. Честолюбивый провинціалъ Силезіи, Троиль, возмечталъ сдѣлаться главою ордена и принудилъ провинціальную конгрегачію избрать его генераль-викаріемъ послѣ арестованія Риччи въ Римѣ. Конечно такой мятежъ въ благоустроенной іезуитской монархіи не могъ быть терпимъ, и Троиль вскорѣ скончался, громогласно каясь въ своей дерзкой выходкѣ; но это не спасло силезской провинціи ордену. Уже въ 1776 г., удовлетворясь униженіемъ римской куріи, Фридрихъ II принялся бездере-

можно выгонять іезуитовъ, заявляя, что они — плохіе преподаватели, а въ 1781 г. силезская провинція прекратила официально свое существованіе, хотя конечно іезуиты существуютъ тамъ и до настоящаго времени.

Въ Россію іезуиты попали при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Овладевъ окончательно Польшей при Стефанѣ Баторіи, они уже съ тѣхъ поръ стали стремиться въ Московію, хотя крайне неудачно; іезуитъ Антоній Поссевинъ, въ качествѣ королевскаго посла, велъ богословскіе споры съ Иваномъ IV, который одержалъ верхъ, благодаря сочиненіямъ какого-то книжника Никиты; папскій легатъ Рангони почти создалъ въ Россіи смутное время, поддерживая Лжедмитрія I, но и тутъ пропаганда іезуитизма потерпѣла крушеніе. Первые Романовы также не впускали это «темное царство» въ свое государство, и только при царевнѣ Софіи, благодаря князю Василю Васильевичу Голицыну, іезуиты устроились въ Москвѣ; однако указъ императора Петра I, отъ 18 апрѣля 1719 г., заставилъ ихъ покинуть Россію и прекратить свою пропаганду. Признавая вредное вліяніе ордена, преемники Петра I держались той же консервативной политики до 1772 г., когда состоялся первый раздѣлъ политически умиравшей Польши; подъ скипетромъ Екатерины II очутилась вся Вѣлоруссія съ католическимъ, униатскимъ и полу-задушеннымъ православнымъ населеніемъ. То, что казалось естественнымъ и возможнымъ при польскихъ короляхъ въ этой издревле русской и православной области, сдѣлалось невозможнымъ при русской императрицѣ, и Екатерина II дѣятельно принялась за религіозно-политическую реформу.

Весь присоединенный край былъ раздѣленъ на семь провинцій, изъ которыхъ четыре образовали Могилевскую губернію, а остальные три были присоединены къ Псковской губерніи. Въ этихъ семи провинціяхъ процвѣтали всѣ католическіе духовные ордена, разрѣшенные папами въ числѣ 23, но наибольшимъ значеніемъ пользовались іезуиты, создавшіе пресловутую унию, какъ переходный мостикъ для легчайшаго совращенія православныхъ въ католицизмъ. Еще до присоединенія Вѣлоруссіи скончался 14 октября 1754 г. могилевскій епископъ Іеронимъ Волчанскій, и католики хотѣли упразднить православную кафедру, но св. синодъ

назначилъ 20 августа 1755 г. епископомъ Георгія Конисскаго и этимъ спасъ «схизматиковъ» отъ окончательной гибели. Съ 1772 г. дѣла конечно переѣнились, и Екатерина II сразу показала, что она не допуститъ вмѣшательства папы въ ущербъ своимъ самодержавнымъ правамъ, хотя желала быть вполне вѣротерпимой. Уніатскій епископъ Смогоржевскій уѣхалъ въ Варшаву и хотѣлъ оттуда управлять епархіей, но правительство отказалось признавать его и велѣло избрать Ираклія Лисовскаго; съ католическимъ епископомъ Массальскимъ, жившимъ постоянно въ Вильно, поступили точно такъ же, и на его мѣсто былъ избранъ могилевскимъ епископомъ глубоко-образованный Станиславъ Сестренцевичъ-Богущъ. Все иновѣрное духовенство почувствовало надъ собою властную руку императрицы, и папы приходили въ отчаяніе, видя, что дѣльный край эмансипируется отъ ихъ произвола.

На Литвѣ и Бѣлоруссіи при польскомъ владычествѣ числилось официально 1.077 іезуитовъ; послѣ раздѣла на долю Россіи пришлось 32 «ученика», 98 «духовныхъ кандидатовъ» и 48 «исповѣдниковъ»; у нихъ было шесть коллегій: въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Динабургѣ, Оршѣ, Мстиславѣ и Могилевѣ; кромѣ того—до десяти миссій и резиденцій въ другихъ мѣстахъ. Провинціалъ Казиміръ Соболевскій имѣлъ постоянное мѣстопробываніе въ Варшавѣ, откуда управлялъ Польшею, Литвою и Бѣлоруссіею, составлявшими одну іезуитскую провинцію; послѣ обнародованія буллы Климента XIV Соболевскій скромно отрекся отъ власти, и главою іезуитовъ въ Россіи сдѣлался его вице-провинціалъ Станиславъ Черневичъ. Родомъ литвинъ, Черневичъ получилъ образованіе въ Вильнѣ и долгое время состоялъ польскимъ делегатомъ при генералѣ Риччи въ Римѣ, гдѣ и былъ допущенъ въ шестой классъ; возвратясь изъ Италіи, Черневичъ поступилъ ректоромъ полоцкой коллегіи и совместно съ этимъ сдѣлался вице-провинціаломъ. Задача, выпавшая на долю его, была не изъ легкихъ: онъ видѣлъ надвигающуюся на орденъ грозу и силою обстоятельствъ сдѣлался подданнымъ государства, крайне не расположеннаго къ іезуитамъ; талантливый литвинъ блестяще рѣшилъ сложную задачу.

Черневичу нужно было поддержать во что бы то ни стало существованіе крайне потрясеннаго ордена, добиться официаль-

наго признанія самаго права на его существованіе, доказать римскому первосвященнику все его безсиліе передъ «товариществомъ Іисуса» и убѣдить католическій міръ въ могуществовъ и несокрушимости общества Лойолы, — а для всего этого необходимо было одурачить властныхъ людей Россіи, начиная съ дальновидной и самодержавной императрицы и кончая мелкой сошкой, окружавшей бѣлорусскаго генераль-губернатора, графа Захара Григорьевича Чернышева. Съ этой цѣлью первымъ дѣломъ Черневича было внушить правительству, что іезуиты — самые вѣрно-преданные подданные императрицы; пока католическое духовенство Бѣлоруссіи медлило присягать «схизматической» монархинѣ, Черневичъ собралъ всѣхъ іезуитовъ въ своей столицѣ, Полоцкѣ, и торжественно привелъ ихъ къ присягѣ 24 ноября 1772 г., въ день ангела Екатерины II, причемъ патеръ Катебрингъ произнесъ блестящее похвальное слово русской императрицѣ. Такой всенародный поступокъ богатаго и вліятельнаго ордена произвелъ сильное впечатлѣніе на католиковъ и къ новому году все бѣлорусское духовенство было приведено къ присягѣ. Затѣмъ Черневичъ съ Катебрингомъ и ректоромъ полоцкой коллегіи, Ленкевичемъ, пріѣхали въ Петербургъ присягать не только за свою провинцію, но и за граничныхъ іезуитовъ; политическій намекъ на іезуитовъ Польши и Литвы понравился Екатеринѣ II, графъ Чернышевъ былъ очарованъ и вскорѣ подпалъ вліянію умнаго и энергическаго Черневича.

Существованіе ордена было обезпечено вполнѣ своевременно, потому что 23 іюля 1773 г. грянула булла объ уничтоженіи ордена. Епископъ Сестренцевичъ повезъ ее въ Петербургъ, но Черневичъ пріѣхалъ равнѣе его, побывалъ у Чернышева, и въ результатѣ явилось распоряженіе императрицы, не допускающее обнародованія буллы. Папскіе нунціи въ Варшавѣ, Гарампи и Аркетти, поддерживаемые изъ Рима, напругали всѣ усилія, заодно съ Сестренцевичемъ, чтобы сломить явныхъ послушниковъ папской воли, но всѣ ихъ усилія разбились о стойкость и энергію изворотливаго провинціала. Устроивъ арестъ священника подосланнаго въ Полоцкъ изъ Варшавы нунціемъ Аркетти, Черневичъ воспользовался пріѣздомъ генераль-губернатора и сталъ официально хлопотать объ устройствѣ новиціата, для приѣма «послушниковъ». Въ Римѣ всполошились и конгрегація «de pro-

ragandae fidae» рѣшилась въ началѣ 1777 г. на крайнюю мѣру, предоставивъ Сестренцевичу, заклятому врагу іезуитовъ, званіе апостолическаго делегата надъ всѣми католическими орденами въ Россіи, въ томъ расчетѣ, что онъ съумѣетъ тогда прекратить существованіе «товарищества Ісуса». Между тѣмъ изворотливый Черневичъ заручился содѣйствіемъ возвышающагося Григорія Александровича Потемкина и устроилъ такъ, что императрица прямо приказала Сестренцевичу открыть новиціатъ въ Полоцкѣ; злосчастный епископъ вынужденъ былъ 30 іюня 1779 г. подписать окружное посланіе въ пользу іезуитовъ, а 2 февраля 1780 г. состоялось самое открытіе новиціата при торжественной обстановкѣ и въ Полоцкѣ нахлынули «послушники» изъ Польши, Германіи, Австріи, Италіи и даже Америки; выбирались конечно самые богатые и знатные, причемъ Черневичъ ставилъ обязательнымъ условіемъ изученіе русскаго языка.

Добившись одного, іезуиты задумали возстановить должность генерала ордена. Снова начался рядъ интригъ: Екатерину II, проѣзжавшую черезъ Полоцкъ, приняли среди утонченной лести и роскоши, окончательно овладѣли Потемкинымъ, который дѣйствовалъ заодно съ Чернышевымъ, и связали руки Сестренцевичу, выхлопотавъ ему званіе могилевскаго архіепископа, но приставивъ ему коадьюторомъ іезуита Бениславскаго. Архіепископія дана была въ январѣ 1782 г., а уже 17 октября Черневичъ былъ избранъ генераломъ ордена іезуитовъ, 1-го же марта 1783 г. Бениславскій явился въ Римъ въ качествѣ русскаго посланника. Для отвѣтнаго посольства былъ избранъ бывший нунцій Аркетти, злѣйшій врагъ іезуитовъ; онъ явился черезъ Тульчинъ, осыпалъ укоризнами Сестренцевича и принялся безпощадно бранить всѣхъ послѣдователей Лойолы, однако въ Петербургѣ и ему пришлось смириться подъ давленіемъ Потемкина и Безбородко; кромѣ того ему обѣщали выхлопотать кардинальскую шляпу, и сбитый съ толку посоль передалъ 18 октября архіепископскій палліумъ Сестренцевичу, а Бениславскаго посвятилъ въ епископа гадаринскаго. За такую покорность Аркетти получилъ 14 іюля 1784 г. наперстный крестъ, стоимостью въ 10,000 руб., и драгоценные мѣха въ подарокъ отъ Екатерины II. Волею неволею, сознавая

свое безсиліе, римская курія должна была оставить въ покоѣ іезуитовъ, ставшихъ твердою ногою въ Россіи.

Со смертію Черневича въ іюнѣ 1785 г. окончился первый, подготовительный періодъ пребыванія іезуитовъ въ Россіи. Имъ нужно было найти мѣсто, гдѣ они могли бы сплотиться противъ ватиканскихъ громовъ, и, благодаря Черневичу, задача была выполнена блестяще; умирая, онъ оставилъ орденъ сильнымъ и богатымъ: официально существовали 6 коллегій, 2 новиціата, 10 миссій, разнаго имущества на 3.000.000 руб. слишкомъ и 14.000 крѣпостныхъ крестьянъ, освобожденныхъ отъ казенныхъ налоговъ. Преемникъ Черневича, Габріэль Ленкевичъ, спокойно и увѣренно перешелъ въ наступленіе, слѣдуя традиціонному завѣту Лойолы стремиться ко всемірной монархіи. Началась серьезная пропаганда среди униатовъ и евреевъ, привлеченъ въ союзъ орденъ базилианъ, и іезуиты ретиво принялись совращать православныхъ въ католичество; первымъ былъ совращенъ графъ Чернышевъ, выстроившій въ своемъ имѣніи Чашникахъ католическую церковь. Явился вѣнскій уроженецъ Габріэль Груберъ съ изумительно разностороннимъ образованіемъ, и пропаганда перенеслась незамѣтно въ Петербургъ, гдѣ іезуиты овладѣли церковью св. Екатерины на Невскомъ проспектѣ, втерлись въ довѣріе императора Павла I и его супруги, императрицы Маріи Теодоровны, переполнили собою ряды мальтійскихъ рыцарей, а въ то же время іезуитъ Зеновичъ приготовлялъ русскія фальшивыя ассигнаціи, Шуазель-Гуффье грабилъ казну, а д'Огардь и Чацкій воровали лучшія книги въ императорской публичной бібліотекѣ, пользуясь своимъ официальнымъ положеніемъ. Совращая русскихъ аристократовъ и богачей, іезуиты разсыпались по всей Россіи, не обращая вниманія на законъ, ограничивающій ихъ пребываніе одною Бѣлоруссіею; слѣды ихъ темной дѣятельности отразились въ обѣихъ столицахъ, на Кавказѣ, въ Сибири, въ Новороссіи, Поволжьи и Лифляндіи; въ благодарность за поддержку Россіи въ тяжелую для нихъ минуту, іезуиты по своему выразили признательность: они перевоспитали въ анти-государственномъ духѣ Бѣлоруссію, Литву и Польшу.

Когда началась французская революція, въ европейскомъ обществѣ повѣяло реакціей противъ свободомыслія и либерализма:

іезуиты воспользовались умѣло новыми вѣяніями и ихъ вліяніе возросло. Нѣсколько іезуитовъ основали въ бельгійскомъ городѣ Лувэнѣ «Общество св. Сердца» и, спасаясь отъ французовъ, перешли въ Лейтерсгофенъ, возлѣ Аугсбурга, гдѣ открыто заявили свою солидарность съ бѣлорусскими іезуитами, а затѣмъ совершенно слились съ ними при генералѣ Бржозовскомъ. Пармскій герцогъ Фердинандъ Бурбонъ, напуганный революціей, попросилъ у Ленкевича 23 іюля 1793 г. помощи, и ему дали Паниццони съ нѣсколькими сочленами; Паниццони выгналъ изъ герцогства «паканаристовъ», выдававшихъ себя за іезуитовъ, овладѣлъ воспитаніемъ юношества, основавъ пять коллегій, и сдѣлался всемогущимъ. Какой-то образованный москвичъ, возмущенный наглостію іезуитовъ, издалъ брошюру, въ которой мѣтко очертилъ всю ихъ дѣятельность въ прошломъ и настоящемъ: оскорбленный Груберъ добился полного изытія этой брошюры изъ обращенія. Преемникъ его, Таddeушъ Бржозовскій, сталъ хлопотать о предоставленіи государственныхъ правъ кончающимъ курсъ въ іезуитскихъ коллегіяхъ и достигъ того, что 10 іюня 1812 д. полоцкая коллегія была торжественно переименована въ академію, а черезъ два года Пій VII вернулъ іезуитамъ всѣ ихъ права и привилегіи.

Императоръ Павелъ I скончался 11 марта 1801 г. и на престолъ вступилъ его сынъ, Александръ Павловичъ, воспитанный Лагарпомъ и Самборскимъ въ религіозномъ индифферентизмѣ, но съ склонностію къ мистицизму. Понятно, что съ гуманными воззрѣніями, заимствованными у Локка и Руссо, не могло связываться покровительство товариществу Іисуса, и дѣйствительно императоръ Александръ I никогда не былъ расположенъ къ нимъ, но терпѣлъ ихъ до поры до времени, тѣмъ болѣе, что характеръ императора всегда выражалъ нерѣшительность, неувѣренность въ себѣ и мнительность. Ректоръ петербургской коллегіи, Груберъ, хотѣлъ воспользоваться переменой монарха и заговорилъ грубо и дерзко; въ отвѣтъ на его письмо послѣдовало высочайшее повелѣніе объ освобожденіи митрополита Сестренцевича отъ полицейскаго надзора, подъ который онъ попалъ, благодаря іезуитамъ, потерявъ всѣ должности и званія; затѣмъ, благодаря настойчивости генераль-прокурора Беклешова, митрополитъ былъ

возстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ. Груберу приходилось вести тяжелую борьбу также за обладаніе церковью св. Екатерины, въ чемъ ему не мало помогаль купецъ Пирлингъ, отецъ нынѣшняго старшины русскихъ іезуитовъ въ Парижѣ. Кончилась на первыхъ порахъ эта борьба тѣмъ, что въ Россіи было обнародовано бреве папы о возстановленіи ордена, хотя въ самой Италіи Пій VIII не рѣшался обнародовать объ этомъ буллы.

Умеръ генералъ Карё и, благодаря содѣйствію князя Кочубея, Груберъ былъ избранъ генераломъ 10 октября 1802 года, почти безъ вѣдома Сестренцевича. Вскорѣ онъ перенесъ свое мѣсто-пребываніе изъ Полоцка въ Петербургъ и здѣсь открылъ аристократическій пансіонъ аббата Николья, съ платою по 1.500 руб. съ каждаго воспитанника; въ пансіонѣ очутились князья Юсуповы, Голицыны, Орловы, Гагарины, Меньшиковы, Волконскіе, сынъ принца вюртембергскаго, Нарышкины, Бенкендорфы, Полторацкіе, Плещеевы, Дмитриевы и другіе. Но этотъ пансіонъ былъ замаскированно-іезуитскій, а потому Груберъ открылъ и явно-іезуитскій, куда поступили Толстые, Голицыны, Гагарины, Кутузовы, Строгановы, Растопчины, Шуваловы, Вяземскіе, Сѣверины, Одоевскіе, Пушкины, Глинки, Рюмины, Новосильцевы и Каменскіе. Послѣ того началась вербовка членовъ за границей и все, что было іезуитски-умнаго въ Европѣ, все хлынуло въ Россію. Сначала соблюдались перемоніи и вѣжливыя обходы законовъ, но потомъ перестали заботиться объ этомъ: не принимали русскаго подданства, являлись съ фальшивыми паспортами, занимали должности священниковъ, не имѣя на то никакого права, и т. д. Груберъ случайно сгорѣлъ въ пожарѣ, но Бржозовскій продолжалъ дѣятельно пропаганду окатоличенія Россіи, поддерживая усердно снова разсыпавшихся по Европѣ іезуитовъ.

Чаша терпѣнія императора Александра I переполнилась, и 20 декабря 1815 г. послѣдовалъ указъ сенату объ изгнаніи іезуитовъ изъ предѣловъ Россіи. Въ виду упорства сильно присосавшихся членовъ «темнаго царства», этотъ указъ пришлось повторить въ 1817 г.; но только благодаря энергіи министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя Голицына, докладъ котораго былъ высочайше утвержденъ 13 марта 1820 г., удалось официально очистить Россію отъ іезуитовъ. Съ этого момента на-

чинается третій періодъ ихъ дѣятельности въ русскихъ предѣлахъ, — періодъ тайной пропаганды. Изъ Галиціи, изъ Вѣны, изъ Париза и другихъ мѣстъ іезуиты стали вторгаться въ Россію подъ всевозможными видами, съ поддѣльными паспортами, влѣшиваясь вездѣ и во все; они до настоящаго времени разсѣяны по всему нашему отечеству подъ различными названіями и узнаютъ другъ друга по условному сгибанію пальцевъ правой руки. Въ 60-хъ годахъ была обнаружена ихъ пропаганда, направленная изъ Норвегіи къ совращенію поморовъ въ католичество: обстоятельство это вызвало появленіе отвѣтныхъ писемъ Ю. О. Самарина іезуиту изъ русскихъ, Мартынову, въ которыхъ мастерски были очерчены послѣдователи Лойолы. Исторія съ католическимъ священникомъ, выпущеннымъ въ 1882 г. изъ тюрьмы въ Авлонахъ, послѣ многолѣтняго заключенія, снова обратила вниманіе на іезуитовъ. Наконецъ длинный рядъ чисто русскихъ именъ въ спискѣ іезуитовъ, остановившемся на рюриковичѣ, потомкѣ рязанскихъ князей, принявшемъ въ мартѣ 1890 г. католичество, постоянно напоминаетъ намъ, что Россія не скоро еще избавится отъ слугителей «чернаго папы», пользующагося каждымъ случаемъ, чтобы попытаться вернуть свое прежнее значеніе въ Россіи.

ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Учебныя руководства и пособия.

- Наглядная азбука. *Ф. Павленкова*. Стр 80 рис. 14-е издание. Ц. 20 к.
- Объяснение къ „Наглядной азбуке“ *Ф. Павленкова*. 7-е изд. Ц. 15 к.
- Родная азбука. *Ф. Павленкова*. 10-е изд., стр 200 рис. Ц. 5 к.
- Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова*. 10-е изд., 100 рис. Ц. 1 к.
- Наглядно-звуковыя прописи. *Ф. Павленкова*. 1) Къ „Родному слову“ Ушинскаго (400 рис.). 2) Къ „Азбуку Бунакова“ (460 рис.). 3) Къ „Первой учебной книжки“ Паульсона (430 рис.). 4) „Общая наглядно-звуковыя прописи“ (въ другихъ азбукахъ) (644 рис.) Цѣна каждой книжки 8 к
- Церковно-славянскій букварь. *Т. Лубенца*. 2-е изд. Ц. 5 к.
- Руководство къ „Церковно-славянскому букварю“. *Т. Лубенца*. Ц. 15 к.
- Книга для обученія церковно-славянскому языку. *А. Карюкова*. 2-е изд. Ц. 20 к. „Замѣтки для учителя“, обучающаго по этой книгѣ. Ц. 10 к.
- Зернышко. Первая пость азбуки книга для чтенія и письма. Съ приложеніемъ церковно-славянскаго грамоты и многими рисунками. *Т. Лубенца*. Ц. 30 к., 2-я кн. Ц. 40 к.
- Руководство къ „Зернышку“. *Т. Лубенца*. Ц. 50 к.
- Самостоятельныя работы въ начальной школѣ. *Т. Лубенца*. 2-е дополн. изд. Ц. 15 к.
- Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ баронъ *Н. Корфа*. 16-е изд. съ 200 рис. и портретами. Ц. 75 к.
- Триста письменныхъ работъ. Задачи для упражненій въ письмѣ для всѣхъ 3-хъ отдѣленій начальной школы *Н. А. Корфа*. 2-е изд. Ц. 15 к.
- Первоначальное правописаніе. 40 диктовокъ съ указан. грам. правилъ. *Н. А. Корфа*. Ц. 12 к.
- Руководитель для воскресныхъ школъ. Барона *Н. А. Корфа*. Ц. 50 к.
- Итоги народнаго образованія въ Европейскихъ государствахъ. Барона *Н. А. Корфа*. Ц. 60 к.
- Начальная русская грамматика. *Н. Вучинскаго*. Ц. 30 к.
- Элементарная грамматика русскаго языка. *Чудинова*. Ц. 50 к.
- Сборникъ задачъ по русскому правописанію. *Разиграева*: 1) Элементарная свѣд. о правопис. словъ. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правопис. словъ. Ц. 50 к. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к.
- Иллюстрированная хрестоматія. *А. Турнавскаго*. Для низшихъ учебн. заведеній и младш. классовъ гимназій. Стр 80 рис. 4-е изд. Ц. 60 к.
- Сборникъ арифметическихъ задачъ. *Лубенца* 13-е изд. (около 2000 задачъ и 8000 численныхъ прихворъвъ). Ц. 40 к. Тотъ же „Сборникъ“ по частямъ: Годъ I—12 к. Годъ II—15 к. Годъ III—20 к.
- Методика ариеметики. *Т. Лубенца*. Ц. 30 к.
- Стѣнная таблица мѣръ. *Т. Лубенца*. Ц. 10 к.
- Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариеметикѣ. Задачникъ для учениковъ. *С. Житкова*. Цѣна 25 к.
- Методика ариемет. *Житкова*. 3-е изд. Ц. 75 к.
- Сборникъ арифметическихъ задачъ съ учительствомъ. Приложение къ „Методическ. ариеметикѣ“. *С. Житкова*. 4-е изд. Ц. 40 к.
- Общепонятная геометрія. *Потоцкаго*. Ц. 40 к.
- Практическая геометрія. *Заболотскаго*. Съ 300 чертежами. Ц. 60 к.
- Общедоступное землемеріе. *А. Колмановскаго*. Съ 279 рис. въ текстѣ. Ц. 75 к.
- Алгебра. *Тодгенстера*. Ц. 2 р. 50 к.
- Сборникъ алгебр. задачъ. *М. Савицкаго*. Ц. 40 к.
- Курсъ начальной механики. *Рикачеса*. Съ 197 рис. Ц. 1 р. 50 к.
- Первое знакомство съ физикой. *М. Герасимова*. 96 рис. Ц. 50 к.
- Полный курсъ физики. *А. Гано*. Переводъ *Ф. Павленкова* и *В. Черасова*. 8-е изд. съ 1363 рисунк., 170 задачъ, 2 таблицы спектровъ, метеорологіи и краткая химія. Ц. 4 р.
- Курсъ метеорологіи и климатологіи. *Д. А. Лачинова*. 122 рис. и 6 карт. Ц. 2 р.
- Общедоступная астрономія. *К. Фламмингтонд.* со 100 рисунк. 3-е изд. Ц. 1 р.
- Учебникъ химіи. *Альмедингера*. 96 рис. 140 задачъ. Ц. 2 р.
- Общая основы химической технологіи. *В. Селзенева*. Съ 70 рисунками. Ц. 1 р. 50 к.
- Крат. курсъ ботаники. *Сіжкова*. 118 рис. Ц. 50 к.
- Первыя понятія о зоологіи. *Пола Бера*. Переводъ подъ редакціей проф. *И. Мечникова*. Съ 345 рис. 2-е изд., съ портрет. автора Ц. 1 р. Въ лѣтъ 1 р. 20 к. Въ перел. 1 р. 50 к.
- Нач. курсъ географіи. *Корнелла*. 11-е изд., 10-ю раскраш. картъ и 82 рис. Ц. 1 р. 25 к.
- Дешевый географическій атласъ. Десять раскрашен. картъ. Ц. 30 к.
- Географія. *Петенева*. Ц. 30 к.
- Эпизодическій всеобщій курсъ исторіи. *Кувинцова*. 2-е изданіе. Цѣна 1 р.
- Очерки новѣйшей исторіи. *Григоросича*. 6-е изд. Съ 57 портрет. Ц. 2р., въ перел. 2р. 75 к.
- Азбука домоводства и домашней гигиены. Сост. *М. Клина*. Ц. 75 к.
- Руководство къ рисованію акварелью. *А. Дилиссина*. 120 рис. и 6 авт. Ц. 1 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 2 к.—Навизаскій плѣнникъ. Съ 3 карт., ц. 1 к.—Братья Разбойники. Съ 3 карт., ц. 2 к.—Бахчисарайскій фонтанъ. Съ 3 карт., ц. 1 к.—Цыганы. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Полтава. Съ 5 карт., ц. 6 к.—Галубъ. Съ 2 карт., ц. 1 к.—Сказка о царѣ Салтанѣ. Съ 3 карт., ц. 4 к.—Сказка о портѣ и работникѣ Балдѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о мертвой царевнѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о золотомъ пѣтушкѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о рыбакѣ и рыбки. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Пѣсни Западныхъ славянъ. Съ 3 карт., ц. 4 к.—Евгеній Шлегль. Съ 11 карт., ц. 20 к.—Графъ Нулинъ. Съ 3 карт., ц. 2 к.—Домикъ въ Коломнѣ. Съ 3 карт., ц. 2 к.—Мѣдный всадникъ. Съ 3 карт., ц. 1 к.—Анджело. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Борисъ Годуновъ. Съ 9 карт., ц. 10 к.—Скупой рыцарь. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Мощартъ и Салье-

ри. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Каменный гость. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Пиръ во время чумы. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Русалка. Съ 4 карт., ц. 3 к.—Выстрѣль. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Метель. Съ 2 карт., ц. 3 к.—Гробовщикъ. Съ 2 карт., ц. 2.—Станціонный смотритель. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Барышня-крестянка. Съ 2 карт., ц. 4 к.—Пиновая дама. Съ 3 карт., ц. 5 к.—Дубровскій. Съ 5 карт., ц. 10 к.—Арапъ Петра Великаго. Съ 3 карт., ц. 6 к.—Капитанъская дочка. Съ 11 карт., ц. 20 к.—Исторія Пугачевскаго бунта. Съ мног. карт., ц. 20 к.—Всѣ поэмы. Съ 21 карт., ц. 25 к.—Всѣ сказки. Съ 6 карт., ц. 10 к.—Всѣ баллады и легенды. Съ 4 карт., ц. 10 к.—Всѣ драматич. произведенія. Съ 17 карт., ц. 20 к.—Повѣсти Бѣлкина. Съ 7 карт., ц. 10 к.—Всѣ письма. Съ 26 портретовъ лицъ, которымъ писалъ Пушкинъ, ц. 25 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

1) Демонъ. Съ 9 рис. Ц. 6 к.—2) Ангель Смерти. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—3) Измаиль-Бей. Съ 6 рис. Ц. 10 к.—4) Хаджи-Абрекъ. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—5) Бояринъ Орша. Съ 7 рис. Ц. 4 к.—6) Пѣсня про нунца Калашникова. Съ 7 рис. Ц. 3 к.—7) Мцыри. Съ 7 рис. Ц. 4 к.—8) Ауль Бастунджи. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—9) Литвинка. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—10) Каллы. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—11) Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—12) Кюрьеръ. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—13) Черномъ. Съ 5 рис. Ц. 2 к.—14) Джулио. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—15) Казначейша. Съ 5 рис. Ц. 4 к.—16) Герой нашего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к.—

17) Бэла. Съ 9 рис. Ц. 8 к.—18) Тамань. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—19) Княжна Мери. Съ 9 рис. Ц. 12 к.—20) Фаталистъ. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—21) Призракъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—22) Маснарадъ. Съ 5 рис. Ц. 10 к.—23) Испанцы. Съ 5 рис. Ц. 10 к.—24) Ашинъ-Нерибъ. Съ 5 рис. Ц. 2 к.—25) Нягиня Лиговская. Романъ. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—26) Люди и страсти. Трагедія. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—27) Станный человѣкъ. Романтическая драма. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—28) Два брата. Драма. Съ 5 рис. Ц. 5 к.—29) Всѣ баллады и легенды. Съ 3 рис. Ц. 5 к.—30) Повѣсти изъ современной жизни. Съ 9 рис. Ц. 7 к.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

1) Экстазы человѣка. П. Мантегацца. Въ 2-хъ частяхъ Ц. 1 р. 50 к. 2) Психологія вниманія. Д-ра Рибо. Ц. 40 к. 3) Берегите легкія! Гигиеническія бѣды д-ра Нимейера. Съ 3) рис. Ц. 75 к. 4) Современные психопаты, д-ра А. Юллера. Ц. 1 р. 50 к. 5) Предсказаніе погоды. А. Далле. съ рис. Ц. 1 р. 25 к. 6) Физиологія души. А. Герцена. Ц. 1 р. 7) Психологія великихъ людей. П. Шолл. 2-е изд. Ц. 1 р. 8) Дарвинизмъ. Э. Фергера. Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к. 9) Миръ грѣзъ. Д-ра Симона. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Ц. 1 р. 10) Первобытные люди. Деббера.

Со многими рис. Ц. 1 р.; 11) Законы подражанія. Тарда. Ц. 1 р. 50 к.; 12) Геніальность и помѣшательство. Ц. Ломброзо. Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р.; 13) Общедоступная астрономія. К. Фламмаріона. Съ 100 рис. 3-е изд. Ц. 1 р.; 14) Гигиена семьи Гебера. Ц. 50 к.; 15) Бантеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. Мизули. Съ 35 рис. Ц. 1 р.; 16) Наука о жизни. Попул. физиологія человѣка. Л. Лукевича, съ 92 рис. Ц. 1 р. 17) Электричество въ природѣ. Ж. Дюри. Съ 192 рис. Ц. 1 р. 25 к. 18) Усталость. Моссо. Съ 80 рис. Ц. 1 р. 25 к. 19) Гигиена женщины. женщины-врача Тило. 40 к.

БИБЛИОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

1) Ручной трудъ. Составилъ Графиньи. Домашнія занятія ремеслами Съ франц. 400 рис. Ц. 50 к.—2) Электрическіе звонки. Ваттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ машинахъ. Съ 114 рис. Пер. съ англ. и дополненъ Д. Головъ Ц. 1 р.—3) Руководство къ рисованію акварелью. А. Кассана. Съ франц. Ц. 150 рис. Ц. 1 р. 50 к.—4) и 5) Навскій случай

А. Альмеддингена. Научная-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насекомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціею пищевыхъ и другихъ веществъ. Двѣ части. Цѣна каждой 50 коп. 6) Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. А. Альмеддингена. Ц. 60 к. и проч.

